

Мы предлагаем вашему вниманию литературно-исторические записки первого фельдшера Вологодской лечебницы для душевнобольных Кирилла Филипповича Уханова, проработавшего в ней с первых дней более 50 лет.

Записки эти были обнаружены случайно среди склада старых документов на чердаке старого дома и затем подготовлены к печати Г.В. Шленской в 2006 году.

Орфография и стиль изложения автора полностью сохранены.

ДАЛЕКИЕ ГОДЫ

*Записки фельдшера
К истории Вологодской лечебницы
Для душевно больных в с. Кувшинове*

*«Про годы далекие скажем одно,
Что жили тогда мы богато,
Что все это было давно,
Но все-таки было когда-то»...
Автор.*

ДАЛЕКИЕ ГОДЫ.

*Годов прожитых времена
И рой далеких дней
И многие родные лица
Воскресли в памяти моей.
Автор.*

Когда я пишу эти записки и думаю о своем прошлом, таком далеком и невозвратном, то снова переживаю давно забытые впечатления прошлой жизни, которые уже никогда-никогда не повторятся и не вернуться...

И одни из этих впечатлений прожитого времени рисуются мне ясно и отчетливо, как будто бы это было совсем недавно, а иные, наоборот, кажутся далекими и туманными.

Я не литератор, пишу, как умею, и пишу свои впечатления больше для себя, чтобы несколько оживить в памяти свое прошлое. А если мои записки и прочитают на досуге другие люди, особенно те, которые после меня станут жить в Кувшиновской лечебнице и прочитают их с некоторым интересом, воспользовавшись опытом прошлого лечебницы, то я буду признателен им и вполне удовлетворен тем, что мои записки кому-то и когда-то могли пригодиться и принести некоторую пользу, по крайней мере, как справочник.

К.Уханов

Начну издалёка. После моих родителей мне остался очень старый документ. Содержание его приведу полностью: «В Вологодское Уездное Полицейское Управление Вологодского Уезда, Одигитриевской Корневской церкви священно-церковнослужителей. Сим честь имеем предъявить, что служивший в

Вологодском батальоне внутренней стражи ефрейтором, теперь находящийся в бессрочном отпуске, Филипп Парменов, сын Уханов, повенчан при нашей церкви на крестьянской временнообязанной Г-же Марии Федоровой Кудрявой, девицей Вассе Михайловой Баталевской, Грязовецкого уезда урожденной Ярославской епархии, Пошехонского Уезда, имеющей от роду своего 30 лет. Брак совершен был сего 1868 года, Октября месяца в 18 день, о чем с приложением нашей церковной печати свидетельствует подписом. Одигитриевской Кореневской церкви священник Александр Соколов. Диакон Павел Петров Садоков. Псаломник Анемодист Барков».

От этого брака и родился я в Вологде 8 июня 1869 года. Родители мои происходили из крепостных крестьян. Отец – Вологодского уезда Попадьянской волости деревни Селицей помещика Знамеровского, а мать крепостная помещиков Резановых из Ярославской губернии Пошехонского уезда. Она в числе дворовых девушек была дана в приданое с госпожой Марией Федоровной Резановой при выходе ея замуж за Вологодского помещика Андрея Кудрявого. И с тех пор мать была записана крестьянкой Грязовецкого уезда Гаврильцевской волости, деревни Мосейкова.

Отец в свое время пошел в солдаты вместо своего старшего женатого брата Дормидонта и вынес 10 лет тяжелой солдатской службы при царе Николае 1. Вся солдатская служба продолжалась тогда целых 25 лет, так что взятые в войска молодые люди возвращались домой после такой долгой солдатчины уже пожилыми, почти стариками. Но отцу моему удалось отделаться 10-ю годами военной службы лишь потому, что он попал под реформы царя-освободителя, Александра 11. В деревню, на землю он так и не вернулся, а остался жить в городе на разных мелких должностях: канцелярского сторожа, разсыльного, полицейского городского, тюремного надзирателя и больничного служителя.

Мать занималась поденными работами по найму у зажиточных людей: стиркой белья, мытьем полов, нянчаньем детей и полевыми работами у крестьян. Семья у нас была большая: родители и пятеро детей – я старший и четыре младшие сестры (одна из них умерла в 3-летнем возрасте). Жили очень бедно, в постоянной нужде и заботах. Раз, помню, дело дошло до того, что отец по болезни остался без места, и мать временно ходила собирать милостыню, чтобы не оставить свою семью голодом. Но отец и мать, перенесшие в молодости тяжелый гнет крепостной крестьянской жизни, отлично понимали всю необходимость и пользу грамоты, стараясь, как могли, сделать грамотными своих детей и вывести их на более легкую жизненную дорогу, чем та, по которой им самим пришлось ходить. Поэтому и мне, и сестрам было дано законченное начальное образование, после которого я стал учиться дальше – поступил в городское трехклассное училище с шестигодичным курсом, которое и окончил первым учеником. Следовало бы еще дальше продолжать общее

образование, к чему у меня лично были желание и способности, но средств к этому у родителей не хватало, и я, волей неволей, должен был избрать иной путь. Поступил в Вологодскую земскую фельдшерскую школу казеннокоштным воспитанником и 3 года обучения жил на ее бурсе. Способный от природы, с хорошей памятью и прилежный, я учился все время отлично, и в 1888 году 1 июня первым учеником окончил 3-х годичный курс фельдшерской школы и был удостоен звания медицинского фельдшера, как это значилось в выданном мне временном удостоверении, пока постоянное свидетельство (диплом) еще печаталось.

Успешное окончание школы «первым учеником» по обычаю того времени давало мне право выбрать любое из свободных в губернии фельдшерских мест, список которых к тому времени имелся в губернской земской управе, так как наша школа содержалась за счет Губернского Земства и новые фельдшера обязаны были за свое воспитание отслужить 3 года в пределах своей губернии. А наша Вологодская губерния была в то время очень обширная. Она включала в себя десять уездов и раскинулась к северу на сотни верст. Медицинского персонала требовалось много, особенно фельдшеров. Наш выпуск в старой земской школе был последний. Земство школу закрыло. Она сгорела 8 сентября 1885 года, в год моего поступления в нее и земство дало лишь возможность закончить школу тем, которые уже были приняты в нее. Снова фельдшерская школа была открыта.. лет спустя.

В бытность нашей школы учениками ее обслуживалась вся губернская больница со всеми ее отделениями и аптекой. Закрытием школы взамен фельдшерских учеников земству пришлось прибавить в больницу и аптеку обслуживающий персонал. Добавили одного фельдшера и двух медсестер в больницу, трех аптекарских учеников в аптеку и в отделение для умалишенных – надзирателя и надзирательницу. Старшим врачом губернской больницы и директором фельдшерской школы был тогда доктор медицины хирург Франц Францевич Ульрих, который пользовался большой популярностью среди Вологодского населения не только как лучший и единственный хирург, но и как очень хороший терапевт – тогдашнее медицинское светило нашего города. Он знал меня лично как питомца школы и согласился предоставить мне новое место фельдшера в губернской больнице. А так как это место открывалось только осенью, то я, чтобы не быть в тягость своим родителям, был вынужден временно занять новое место надзирателя в буйном отделении для умалишенных, получивши на это согласие и старшего врача больницы Ульриха и заведующего тогда отделением для душевно больных врача психиатра Михаила Платоновича Глинки. Поступил я на жалованье 15 рублей в месяц при квартире в буйном отделении и при готовом столе. Готовый стол из двух блюд полагался только фельдшерско-надзирательскому персоналу отделений для умалишенных, как добавка к жалованью за тяжелые условия работы среди

душевно больных. Так как моя семья видела во мне свою будущую опору жизни, с надеждой и нетерпением ожидала, когда я стану жить самостоятельно, помогать и поддерживать семью, то вот это самое положение и понудило меня ухватиться за первое подвернувшееся место службы. С этого я и начал свою трудовую жизнь среднего медицинского работника. А надо было начинать жизнь с мелочей, с самого начал погружаясь в мелкие расчеты, сталкиваясь со многими затруднениями со своей практической неприспособленностью.

Из школы нас выпустили только в том, в чем мы были одеты. Отдали бесплатно поношенные вещи: две пары белья, штаны и курточку из грубого черного сукна с голубым кушаком вместо ремня, черный суконный халат вместо пальто, кожаные личные сапоги и черную суконную фуражку с черным бархатным околышем (это наша школьная форма), т.е. получили всю одежду, кроме дубленого непокрытого полушубка и драповой шапки, которые мы носили зимою. Да от земской управы выдали мне взаменобразно 35 рублей на одежду, с условием выплаты этих денег в 7 месяцев путем удержания из жалованья по 5 рублей ежемесячно.

Трудненько было начинать жизнь с такими средствами. На 15 рублей в месяц даже по тому дешевому времени много не развернешься. Ведь, например, у меня за погашением долга управе и за удержанием 4% из жалованья в судосберегательную кассу, в которую я вступил членом, оставалось на руках 9 р.40к. На эти деньги я был должен удовлетворять и свои личные потребности (книги, чай, табак и небольшие развлечения), так и немного помогать родителям. Мне исполнилось тогда 19 лет. Жизнь манила соблазнами, но их пришлось заглушать и ограничивать себе во всем, что было мне недоступно по моим средствам. Все-таки я умудрился на эти маленькие деньги справиться себе необходимое. Купил на рынке обувь, новое драповое пальто, хорошую верхнюю рубашку и сшил у хорошего портного приличный пиджачный костюм при содействии нашего провизора Э.Ф.Войнич, который принял во мне некоторое участие, как в человеке малоопытном и нуждающемся в умелом руководстве со стороны людей, умудренных жизнью.

Таким образом, с виду я перестал походить на прежнего школьного ученика – бурсака.

Запомнилось мне, что с первым новым костюмом у меня случилась неприятная история. Во время врачебной визитации я случайно свой новый костюм облил чернилами, чем причинил себе большое огорчение и долго не мог успокоиться, пока через некоторое время мне удалось заказать другой костюм, по своему вкусу.

А проживать тогда, в то далекое время, одеваться и кормиться людям было, не в пример легче, чем теперь. По сравнению с настоящим в то время все было сказочно дешево. Например, сделать неплохой новый триковый костюм (пиджак, жилет и брюки) с шитьем у портного стоило 15 рублей. За шитье такого

костюма-тройки брали 4-5 рублей. Работа брюк отдельно ценилась 1 ½ рубля и т.д. Жизненные продукты того времени тоже продавались очень дешево, было их обильно и они были доступны почти всему народу. Для наглядности привожу здесь таблицу цен за один фунт на некоторые продукты питания и стоимость других потребностей жизни людей.

Название	Цена	Название	Цена
Хлеб ржаной печеный	3к	Сахарный песок	13к
-«- белый	5-8к	Мясо	6-10к
Пироги белые с рыбой, мясом и изюмом	10-12к	Колбаса вареная	12к
		Получше	18к
		копченая	25к
Мука ржаная	1 1/2к	Ветчина	18-25к
Белая	5к	Студень	3к
крупчатка	8-10к		
Пшено	1/к	Яйца за десяток	10к
Греча	5к	Молоко за литр	6-8к
Горох	4к	Сметана за	8-10к
		чайн.стакан	
Рис	12к	Творог	3к
Крупа овсяная	3к	Треска соленая	6к
Макароны	12к	Семга	60к
Соль	1к	Сельди и снетки	6к
		свежие	
Масло русское топленое	20к	Картофель за	1р.
Сливочное	25к.	мешок	5к.
растительное	12-16к.	Лук	
Чай от 1р.60к. до	2р. и	Огурцы свежие 1	30-50к
	выше	сотня	
Изюм	10-12к.	Капуста свежая	5к
Сахар	15к	Грибы белые	10к
		сушеные	
Керосин	3к.	Клюква	2к.
Мыло простое	10к	Дрова за 1 куб.	8-10р.
		сажень	
Свечи стеар. штука	5к.	Ситец за 1 аршин	10-15к.
Спички 1 пачка в 10 кор.	10к.	Полотно за 1 аршин	10-30к.
Махорка 50гр.	3к.	Табак вол. от	1р.

Квартиры тоже были очень дешевы.

Моя семья занимала самую обычную простую квартиру: две небольшие комнаты с кухней и чуланом, платила за нее 3 рубля в месяц. Мой отец во время моего пребывания в фельдшерской школе работал служителем в спокойном отделении для умалишенных и я, бывая у отца, уже был несколько знаком с душевно больными с их внешней, бытовой стороны. Да, кроме того, на втором и третьем курсах школы практически занимался уходом за душевно больными, приобретая некоторые навыки в этом деле. И поэтому среда душевно больных не являлась для меня совершенно новой и чужой. Мне оставалось только больше вникнуть в окружающую меня новую, мало знакомую обстановку службы и освоить ее по настоящему.

Прежде всего, следовало узнать правила, написанные для руководства надзирателей, фельдшеров и врачей, работающих в отделениях для умалишенных (см. в приложениях).

Надо сказать, что душевно больные того времени при губернской земской больнице размещались в двух отделениях: в специальном одноэтажном каменном доме для острых больных – буйном отделении, или как его тогда называли «красном доме», и в деревянном двухэтажном доме (приюте) для спокойных больных. Кроме того, 25-30 человек спокойных хроников мужчин жили в загородном земском отделении – в Дюдиковой пустыне, в одной версте от противоположного конца города по Архангельскому тракту. Да человек 30 спокойных больных содержалось в частных домах, целиком нанятых для этого в смежных с губернской больницей улицах.

В то время, когда я начал служить, всеми отделениями для душевно больных заведовал ординатор губернской земской больницы врач психиатр Михаил Платонович Глинка, который впоследствии был директором Московской земской психиатрической больницы в Покровском-Мещерском. Средний персонал того времени в этих отделениях состоял только из двух фельдшеров – оба с 2-3-летним стажем. Иван Александрович Чернавский занимался в «красном доме», «приюте» и в частных домах, где помещались больные, т.е. во всех городских отделениях для больных. Николай Дмитриевич Перцев жил при больных в Дюдиковой пустыне, за городом. По новым должностям надзирательницу Дросиду Васильевну Соколову определили на женскую половину приюта, а меня надзирателем в буйное отделение в помощь фельдшеру Чернавскому, который имел квартиру-комнату тут же при отделении. Здесь поместили и меня в проходной комнате для занятий врача, где поставили перегородку и получилась маленькая комнатка. Тут поставили койку, стол и два стула. Это и была моя первая казенная квартира.

На первых порах своей самостоятельной жизни я был очень доволен своим положением. Тогда мои стремления были очень скромны и мне казалось чем-то

значительным, что вот я зарабатываю своим трудом 15 рублей в месяц, имею готовую квартиру с отоплением и освещением (кроме керосина на лампу ежемесячно выдавали 1 фунт стеариновых свечей) и готовый стол, состоящий из двух порций на выбор по порционному требованию отделения, с 1 фунтом белого и достаточным количеством ржаного хлеба. Фельдшер Чернавский вел со мной общий стол и питались мы хорошо и сытно. Жили дружно, по товарищески.

Вспоминаю, что на первых порах службы у меня случилась очень крупная неприятность, чуть было не окончившаяся потерей места. Кажется, в конце июля или начале августа на моем дежурстве повесился в изоляторе больной Столяров. Случилось это так. Больные вечером гуляли в саду. В сумерки пошел сильный дождь, и всех больных стали заводить в помещение. Но один больной, Столяров, очень крепкий физически, в большом возбуждении, сбросил с себя белье и, не смотря на все уговоры, идти в отделение отказался. Пришлось заводить его насильно. Больной оказал сопротивление и вступил в борьбу. Еле-еле удалось завести больного в отделение. А так как он продолжал шуметь и бушевать, то его надо было изолировать. Сразу сделать это не удалось – служители измучились и в сутолоке кто-то посоветовал связать больного. Впопыхах послушались этого, связали ноги больного полотенцем и кое-как, с трудом, заперли его в отдельную комнату с закрытыми ставнями – в изолятор. И настолько были все измучены и растерялись, или просто все находились в какой-то непонятной забывчивости, что больного-то изолировали, а полотенце снять с него позабыли. На этом полотенце через несколько минут больной и повесился, зацепивши как-то полотенце за ставень окна. Возвратить к жизни Столярова не удалось, хотя к этому сразу были приняты все меры оживления. В результате этой тяжелой истории я ожидал для себя крутых неприятностей, даже отдачи под суд, но благодаря снисхождению ко мне начальства как к человеку молодому и неопытному, дело это окончилось для меня благополучно, и я остался на службе.

Время шло и чем дальше, тем больше я осваивал свою работу, сживался с нею и уже чувствовал к ней навык и расположение. Зимой с больными для их развлечения устроили хорошую ледяную гору, которой они все время до весны и пользовались. В конце марта 1889 года фельдшер И.А.Чернавский оставил службу в отделении (вернее был снят с работы за связь с ф-цей земской больницы А.А.Дилакторской). Удалили и её. Вот какие тогда были взгляды – отсталые и неправильные, не те, что теперь, при свободе личности человека.

На место ушедшего был принят надзирателем человек со стороны Глеб Дормидонтович Ухтомский. Меня же из надзирателей «красного дома» перевели фельдшером в Дюдикову пустынь, где было отделение для 30 спокойных мужчин хроников. Тут мне пришлось прожить более 3 лет, оттуда переехать в село Кувшиново, в новую психиатрическую лечебницу.

Дюдикова пустынь – предместье гор. Вологды, расположена в одной версте от неё, по большому Архангельскому тракту, примыкая с одной стороны к высокому в этом месте берегу реки Вологды, где имелись две Пустыньские церкви: небольшая теплая «Знаменская» и другая большая, холодная пятиглавая «Иоано-Предтеченская» с высокой шатровой колокольней, видимо более старинной постройки. С берега открывался далекий живописный вид: влево по течению реки на город, а справа на старинный Прилуцкий монастырь с его стерами и башнями пятисотлетней давности. А прямо на противоположном низменном заливном лугу виднелись широкие дали с барской усадьбой Чашниково, с деревнями Ершово, Пудега, Лукьяново, Ухово и селом Кувшиново, с его рамами, синевшими далеко на горизонте. В конце Дюдиковой Пустыни от города была расположена на 3-4 десятинах земли небольшая усадьба с деревянным, довольно большим домом бывшего владельца. Дом этот имел на себе четыре крестообразно расположенные мезонина: два теплые и два летние, холодные. Под все домом был нижний подвальный этаж с окнами на двух стенах его, служивший для склада дров и др. вещей. В стороне от дома стояли большой сарай с сеновалом, небольшая баня и погреб-ледник. При доме вблизи находились еще огород и большой старый сад с двумя прудами, обсаженными липовыми аллеями. Один из прудов был очень большой и чистый, видимо проточный в прежние годы через систему сохранившихся канав в реку Вологду. В нем водились порядочно карасей, которых обыватели ловили. В этом загородном доме и помещались мои больные. Квартира моя, мезонин с тремя окнами на север, делилась перегородкой на две небольшие комнатки с голландской печкой посередине. В противоположном, южном мезонине жили пять больных, а остальные 25 больных размещались внизу дома. Там же были столовая для больных, общая кухня с комнаткой кухарке, кладовая и уборная для больных и служащих. В мезонины вела лестница из теплой полутемной проходной комнаты помещения больных. Во всех помещениях для больных все окна были закрыты железными решетками, а пазы голых бревенчатых стен с мохом были заколочены деревянными планками, чтобы мох не дергали больные. Зато под этими планками водилось немало клопов и тараканов, с которыми велась неустанная борьба. Моя квартира была оклеена дешевыми обоями. Для обслуживания отделения под моим началом имелись четыре служителя (санитары), одна кухарка и возчик со своей лошастью при рабочем и выездном оборудовании. Человек этот, нанятый земством помесечно, жил при отделении. Он ежедневно привозил из губернской больницы всю провизию, молоко и хлеб для больных и служащих, так как все они имели готовое содержание, возил воду с реки для отделения и бани. Держал легкий выездной экипаж летом, а зимой сани для привоза из города раз в неделю врача ординатора и для моих поездок в город, т.к. я был полным хозяином своего отделения, по всем вопросам которого сносился с

губернской больницей непосредственно. Вникая все больше и больше во все стороны своей новой служебной роли, я заинтересовался жизнью своего отделения, своими больными, глубже входил в их интересы и, отзываясь на душевные интересы больных, старался, сколько мог, упорядочить быт этих обездоленных людей хотя бы с внешней стороны жизни.

При доме обрабатывался небольшой огород для потребностей отделения, где выращивали капусту и картофель, а остальная усадебная земля была занята большим сенокосом – лугом, на котором росла сочная. Густая и высокая трава. Здесь для больницы каждое лето снималось много хорошего сена. На первых порах я старался приучить больных, кого было возможно. К разным работам на дворе: очистке площади вокруг дома, разделке клумб и дорожек в палисаднике около дома, посадке цветов и прокладке дороги к выезду на большой тракт от дома к городу. А чтобы дело шло успешнее, я сам работал с больными. Подавая им пример и заинтересовывал их в общем деле. Это летом. А зимой строили ледяную гору в садовой аллее для катания больных и «кружало» на пруду.

Установил точный распорядок дня внутренней жизни отделения с раздачей лекарств и др. назначений врача, с чаепитием и кормлением больных, с обязательными ежедневными прогулками в саду и около дома летом и зимой.

Первые месяцы я жил один, но в июне заболел гангреной легких и умер мой отец, оставивши на мое попечение мать с тремя малолетними сестрами. Надо было всю свою семью взять к себе. Об этом я и стал просить свое начальство в лице тогдашнего члена губ. земской управы А.В.Гунина. Он долго не соглашался на это, хотя множество служащих больницы жили со своими семьями в казенных квартирах. И такое упорство нечем было объяснить, кроме своевластия. Оно, конечно. Не имело твердого законного основания, было произвольно и немало заботило и огорчало меня. И только к осени при содействии старшего врача больницы Франца Францевича Ульрих мне было милостиво позволено жить вместе с родной моей семьей. Жизнь для меня стала еще более полной и вполне удовлетворяла меня. Так что когда в это же время мне можно было бы занять открывшееся место фельдшера в губернской больнице. На которое я прежде метил. Я окончательно решил остаться фельдшером на службе при отделении душевно больных. С этого времени твердо и бесповоротно установилась служебная дорога моей дальнейшей жизни. В которой мне суждено было пробыть долгие-долгие годы. В Дюдиковой пустыне без каких-либо особых перемен я прожил более 3 лет до самого переселения в село Кувшиново.

За это время многократно менялся состав больных: одни из них выписывались, другие по разным причинам переводились обратно в городское отделение и немногие умирали. Вместо выбывших больных присылались из города другие. Сюда подбирались психически спокойные больные: слабоумные

эпилептики, прогрессивные паралитики и больные в стадии последовательного слабоумия (*dementia Secundaria*). Скорбут, который я застал у многих больных вначале, был постепенно изжит под влиянием соответствующего лечения и других мероприятий. Следует отметить за это время еще одну важную перемену в жизни наших отделений, а именно перемену врача ординатора, заведующего отделениями для умалишенных больных. В начале 1891 года врач психиатр Михаил Платонович Глинка оставил место в Вологде – перешел в Московское земство, а с октября того же года это место занял другой врач психиатр Алексей Александрович Яковлев, служивший перед этим ординатором в Колмовской психиатрической лечебнице в гор. Новгороде, где заведующим этой лечебницей был тогда психиатр д-р Синани.

Ясно припоминаю, как я познакомился с д-ром Яковлевым. По заведенному мною порядку без моего ведома никого постороннего в отделение не допускали. И вот однажды днем в начале осени мне сказали, что меня хочет видеть по делу один господин. Приехавший на извозчике и что он ждет меня на парадном крыльце. Я быстро вышел туда и увидел перед собою человека средних лет, очень серьезного и внушительного вида. Я спросил, с кем имею дело. Он назвался доктором Яковлевым, сказал, что поступает на службу в Вологодские отделения душевно больных и сюда прибыл посмотреть устройство отделения в Дюдиковой Пустыне. Я пригласил посетителя пройти в помещение и подробно познакомил его с бытовой жизнью своего отделения, показал помещения для больных, кухню, кладовую и подворные постройки. По-видимому, осмотр отделения в общем произвел на врача неплохое впечатление и он уехал.

А через некоторое время в октябре получилось распоряжение нового заведующего отделения для душевно больных врача А.А.Яковлева – приезжать к нему в городское отделение «красного дома» из загородных отделений два раза в неделю к утренней визитации для докладов по службе своих отделений, для распоряжений и врачебных назначений и для общего врачебного обхода больных, где мы, фельдшера и надзиратели, наглядно знакомились с новыми приемами ухода за больными, за способами искусственного кормления больных и многими другими мероприятиями, вводимыми новым врачом для коренного изменения прежнего жизненного уклада больных. Здесь мы в первый раз узнали и научились «Присницевскому обертыванию» (влажному и сухому), или «компрессу», как после привыкли называть его, взамену применяемых до этого «смирительных рубашек», которые надевали на беспокойных больных, а особенно тек называемых «кожаных рукавов», которые с этого времени были отодвинуты навсегда в область преданий, как странный пережиток прошлого времени...

На этих совместных врачебных обходах разрешались вопросы о переводах больных или об их обмене между отделениями и т.под.

Сам врач наезжал в загородные отделения раз в неделю. За это время я старался учиться у врача, невольно подражая ему и перенимая от него хорошие навыки обращения с окружающими людьми. Очень много читал и по общей и по специальной литературе. Словом, дело наладилось и шло спокойно до середины 1892 года, т.е. до перемещения всех умалишенных в новую, еще недостроенную Кувшиновскую лечебницу.

Поспешности переселения больных способствовала тогдашняя холера на юге России, заноса которой опасались и сюда на север.

Остановлюсь немного на истории возникновения и постройки Кувшиновской лечебницы. Начну с очень давних пор. Основной дом для содержания умалишенных в г. Вологде при губернской земской больнице, так называемый «красный дом», был построен в 1873-1874 году, и как добавление к нему в 1877 году губернское земское собрание утвердило постройку деревянного дома для 25 неизлечимых спокойных умалишенных больных, что и было приведено в исполнение. Но уже в 1881 году из доклада старшего врача больницы Ф.Ф.Ульрих очередному губернскому земскому собранию видно, что к этому времени явилось большое затруднение в приеме вновь прибывающих душевно больных, достигшее в последнее время крайних пределов и невозможность разместить таких больных в назначенные для них помещения, тем более что количество больных, призреваемых в домах умалишенных по смыслу существующего закона не ограничено никакою цифрой, что недостаток помещения для умалишенных может быть устранен единственным путем – постройкою дома на 60-70 человек и что помещение это могло бы служить не только местом для призрения душевно больных, но и для их лечения, соответственно современному требованию науки и общества. Другими словами, уже назрела потребность в постройке новой современной особой лечебницы для душевно больных. Это в основе и было принято. Ординатором отделений для умалишенных в Вологда тогда был врач психиатр А.Ф.Мальцев. Он был командирован земством для осмотра существующих центральных домов для умалишенных, чтобы на основании данных этого осмотра можно было бы совместно со специалистами выработать план новой постройки согласно местной потребности и указаниям земства.

Первоначально на это было ассигновано 48 тысяч рублей, но уже в 1883 году цифра эта применительно к новому плану на 40 кроватей выросла до 74 тысяч рублей с лишним, а в 1884 году очередное губернское земское собрание решило строить новое помещение для душевно больных в один или два каменных дома с железной крышей и усовершенствованным отоплением на 80 кроватей. Службы строить деревянные, на каменном фундаменте с железными крышами, при условии принятия казною половины всех расходов на постройки.

Первоначально от себя губернское земство ассигновало на это дело 70 тысяч рублей. При этом губ. зем. управе было поручено снести с Вологодской городской думой об уступке земству вблизи города участка земли, достаточного для предполагаемых построек и устройства садов при них в размере 8-10 десятин. Соглашение с городской думой не состоялось из-за условий невыгодных для земства, а было куплено за 5500 рублей у господина Лаунер вблизи города в Дюдиковой пустыни усадебное место в количестве около 5 десятин с хорошим вместительным домом и некоторыми надворными постройками и старым садом с двумя прудами. По соглашению с Министерством внутренних дел планы на постройки и сметы на них в размере 168 тысяч рублей были утверждены. 50% всей стоимости были приняты казною на себя.

В 1886 году на очередном земском собрании гласный А.А.Попов заявил, что место, на котором предполагается выстроить помещение для душевно больных в Дюдиковой Пустыне близ г. Вологды представляет многие неудобства для специального содержания и лечения таких больных, а именно: рядом пролегает почтовый Архангельский тракт и вблизи находится городское кладбище, арестантские роты, винный завод Первушина и военный лагерь. Соседство этих мест, по мнению А.А.Попова станет беспокоить больных то погребальным звоном на кладбище, то шумным движением на почтовом тракте и т. под. Благодаря этому заявлению постройки здесь были отложены и дом в Дюдиковой Пустыне после небольшого ремонта был занят временно 25 спокойными больными в целях разгрузки городских помещений. Это положение было поддержано тогдашним врачом психиатром В.А.Копосовым на губ. собрании 1887 года, где он высказывался против постройки л-цы в Дюдиковой Пустыни. На этом же собрании ему удалось провести очень важный вопрос о бесплатном содержании и лечении всех душевно больных Вологодской губернии, что впредь облегчало населению помещение в больницу таких больных, которые у себя дома нередко держались на цепях.

В 1888 году очередное губернское земское собрание, выслушав подробный доклад соединенной комиссии по вопросу о постройке новых помещений для душевно больных, в котором комиссия вполне разделяла взгляд управы на поступившее предложение о приобретении для целей постройки усадьбы Кувшиново, находит необходимым приобрести эту усадьбу с постройками и 36 десятинами пахотной и луговой земли, за просимую владельцем, гласным Губ. собрания А.А.Поповым сумму 10 тысяч рублей и представить это для одобрения в техническое отделение Медицинского департамента Министерства внутренних дел. Собрание с этим согласилось.

Наконец так долго тянувшийся вопрос о постройке лечебницы для душевно больных получил окончательное решение на очередном губернском земском собрании 13 января 1889 года, где было постановлено приступить к постройке

дома для д.б. с весны 1889 года с тем, чтобы к осени этого же года здание было подведено под крышу. В 1890 году на очередном губернском земском собрании постановлено следующее:

1. отказаться от предложения Медицинского департамента о помещении Вологодских душевно больных в Казанский окружной дом для умалишенных, принимая во внимание неудобство пересылки больных туда и расходы, сопряженные с помещением и содержанием их там, с одной стороны и произведенные уже расходы по постройке такого дома в Кувшинове – с другой стороны.
2. постройки в Кувшинове – продолжать
3. заблаговременно заботиться о выработке устава для лечебницы для душевно больных
4. возбужден вопрос о постройке в Кувшинове каменной кухни с водонапорной башней и отдельной каменной водокачкой на берегу реки Вологды.

В том же году на чрезвычайном губернском земском собрании решено барак в Кувшинове не строить, а поместить пока больных в барском доме с. Кувшинова, сделать на нем железную крышу и тут же, в этом доме приспособить кухню для больных. За заведования больными в Кувшинове прибавить врачу М.П.Глинке 200 рублей в год с тем, чтобы он посещал больных в Кувшинове не менее 2 раз в неделю за земский счет.

Таким образом, вопрос о реорганизации дела призрения душевно больных и лечения их по современному, вопрос большой важности для нашей Вологодской губернии, наконец, получил, в общем, удачное разрешение и приближался к благополучному исходу. В основном дело это стояло уже прочно, пользовалось большим вниманием Земства и не заминалось, а направлялось к усовершенствованию в своем дальнейшем развитии.

В 1891 году врач М.П.Глинка оставил службу в Вологде и перешел в Московское земство.

Ввиду этого чрезвычайное губернское земское собрание постановило пригласить врача психиатра на 2000 рублей в год с готовой квартирой от земства или выдачей квартирных денег по 25 рублей в месяц и освободить этого врача от общих дежурств по губернской больнице, предоставивши ему возможную самостоятельность в хозяйственно-административных отношениях, впредь до утверждения Собранием особых инструкций применительно к правам старшего врача больницы. Как уже упоминалось, с конца 1891 года вместо Михаила Платоновича глинки заведование душевно больными принял врач психиатр А.А.Яковлев. Следует считать и безоговорочно признать большой удачей для Вологды, что в это переходное в жизни душевно больных время к нам поступил на службу именно такой руководитель дела, как А.А.Яковлев.

Скажу о нем, как умею. Это был товарищ, друг и ученик известного профессора психиатра П.И.Ковалевского, автора многих научных трудов, издателя редактора психиатрического ежемесячного журнала «Архив психиатрии и неврологии» и автора очень популярного тогда учебника психиатрии.

Яковлев был человек с хорошим образованием и хорошей научной подготовкой. На редкость одаренный качествами, присущими умелому администратору, хозяину, руководителю и организатору такого крупного и сложного дела, каким в данном случае являлось новое устройство лечебницы для душевно больных. Это был сильный характер с твердой непреклонной волей, с большим знанием людей, с умением приспособиться к окружающей обстановке и способностью привлекать и располагать к себе людей. Он был очень требователен и строг по службе, но в то же время был справедливым, где надо, снисходителен и терпелив. Проявлял большую заботу о больных и служащих и твердо отстаивал интересы подчиненных, заступаясь за них, где следовало. Прямолинейность характера и редкая энергия в связи с личным примером по службе скоро сделали Яковлева очень популярным и внушающим к себе большое уважение человеком. К тому же будучи уроженцем дворянской семьи, что, по тому времени имело немалое значение, хорошо воспитанный и имевший влиятельные связи в столице, он почти сразу сумел прочно поставить себя в высшем круге губернской знати, что, конечно, усиливало его влиятельность и значение.

Я потому так много говорю об этом человеке, что он оставил большой след в устройстве нового быта душевно больных нашей губернии. Являясь пионером современного положения их здесь на севере. Лично я и до сих пор помню о совместной службе с доктором Яковлевым как о чем-то значительном и незабываемом. Мы тогда во многом брали с него пример и невольно подражали ему. Работа наша проходила толково, успешно, с подъемом. Энергией и хорошей дисциплиной, не нуждаясь тогда в обязательствах и соревнованиях, не надо нам было агитаторов и толкачей, чтобы вести свою работу на службе по долгу, по совести и по своему разумению. К тому же мы были бодры и молоды тогда. Тут в понятиях того времени единственным законом для нас были приказ и руководство заведующего врача. Мне и теперь думается, что это не было плохим, а наоборот ценным и полезным.

Перейду к описанию очень важного периода в жизни Кувшиновской лечебницы, ее переходного состояния от старых бытовых форм и организации к новым условиям своего дальнейшего существования. В июне 1892 года неожиданно состоялось перемещение из города Вологды всех душевно больных в село Кувшиново, в новые дома психиатрической лечебницы, которая с октября этого года получила почти полную хозяйственную самостоятельность, отделившись в этом отношении от губернской больницы, но оставаясь в

административном отношении в некоторой от нее зависимости, по крайней мере, в глазах различных правительственных и Общественных учреждений губернии с чисто формальной стороны. И выделение Кувшиновской лечебницы в совершенно самостоятельное лечебное учреждение состоялось несколько позднее, тогда, когда был дан особый устав. Надо заметить, что ко времени переселения больных новые здания для них были во многом не закончены. Кухня с водонапорной башней была сделана только вчерне. Женский корпус только отштукатурен внутри и не имел еще многих приспособлений: сеток в окнах, замков у дверей, фонарей для освещения и тому под. Малярные работы в этом доме не начинались вовсе. Мужской каменный корпус был отдела внутри, но и в нем не хватало многого необходимого. Например, не было ставней в окнах изоляционных комнат, однородных дверных замков по всему зданию и проч. Мебели тоже было недостаточно. Новая пока не заказывалась, а старая была сборная, привезенная из разных городских отделений, и требовала хорошего ремонта. В этом случае пригодилась та мебель. Которая была заблаговременно сделана нашими больными. Каменная водокачка была готова. Водопроводная сеть и канализация закончены, баки для воды на башне поставлены. С этой стороны дело было налажено. Но, в общем, требовалось еще очень многое, а крупные и мелкие недоделки не позволяли сразу наладить уход за больными в новых условиях, как бы следовало. На окончательное устройство и приспособление новых зданий требовалось еще некоторое время, по крайней мере, год. Но случилось иначе и пришлось преждевременно заселять Кувшиново душевнобольными. Эта поспешность и неожиданность водворения д. больных в неоконченные здания новой лечебницы вызывалась исключительными соображениями, как об этом уже упомянуто мною выше. Это был 1892 год, когда по России, особенно на юге, свирепствовала азиатская холера, которая грозила большой опасностью нашим городским и пригородным отделениям, находившимся в тяжелых санитарных условиях, если бы эта холера была занесена сюда на север.

Кроме того, наш городской «красный дом» являлся, пожалуй, единственным местом для Вологодской губ. больницы, где было возможно в случае необходимости быстро устроить холерное отделение. Вот это положение и заставило поспешить с переводом больных в Кувшиново раньше времени. В своем отчете за этот 1892 год на губернском земскбом собрании врач А.А.Яковлев сказал, что вся эта неурядица во внутренней обстановке лечебницы должна была крайне затруднять и без того тяжелые условия приучения массы разнородного люда к его новым бытовым формам, и только благодаря ряду счастливых случайностей да необыкновенной энергии со стороны средне-служебного персонала лечебницы дело переселения больных в Кувшиново и первое время нашей жизни здесь прошло не только без какого-либо несчастья, но даже и без всяких, особенно выдающихся неприятных

случайностей. С особенным удовольствием, доводя об этом до сведения Собрания, я считаю своим нравственным долгом выразить здесь мою глубочайшую благодарность г.г. фельдшерам – К.Ф.Уханову и М.Ф.Яновскому, равно как и надзирателю Г.Д.Ухтомскому, деятельность коих в это критическое время, пережитое лечебницей, не оставляла желать ничего большего.

Вспоминаю теперь, что такая оценка нашего труда, такой лестный отзыв о нашей работе тогда поднимали в нас новую волну энергии и бодрости, вызывая чувство удовлетворения и горделивости, побуждая нас еще старательнее работать на нашем общем деле. А работы имелось вдоволь, и надо было трудиться, не покладая рук. Так мы и делали, занимаясь тогда сплошь и рядом по 12-14 часов в сутки. К моменту перевода всех душевно больных мужчин и женщин составляло около 150 человек. Они размещались в городе в пяти местах, а именно: в «красном доме» и в доме приюта при гор. Больнице, в частном доме Лебединова в ближней улице от больницы и за городом – в Дюдиковой Пустыне, где я заведовал отделением для спокойных хроников, и, наконец, работающие больные жили в Кувшиново, в бывшем барском доме, который потом был занят квартирами врачей. Ясно, что пока строились основные корпуса будущей лечебницы, рассчитанные на 80 мест, - по 40 мест в мужском и женском домах – число больных неуклонно возрастало и, как сказано, почти удвоилось против первоначально намеченной цифры. Отсюда явствует, что скученность больных оставалась почти та же, что и была в городских отделениях. Отнюдь не разрешает после перевода их в Кувшиново. Оставался один выход из этого положения – расширять лечебницу путем возведения новых построек. Это самое и заставило Земство на чрезвычайном Губернском Земском Собрании в мае 1892 года разрешить этот вопрос о новых постройках в утвердительном смысле.

1. Поручить Губернской Управе выстроить два барака на 50 человек каждый на каменном фундаменте с железной крышей, одного барака для мужчин. К постройке уже приступили сразу. Так что когда мы прибыли в Кувшиново, то оцементированный фундамент для этого барака уже был приготовлен, а самый барак спешно работался и к осени готовый поставлен на фундамент, остропилен и покрыт крышей.

2. Произвести некоторые дополнительные работы в новых зданиях, не предусмотренные планами и сметами, но крайне необходимые, как то: вставка во все окна железных сеток, устройство ставней в изоляционных комнатах и устройство приспособлений в них для освещения в ночное время.

3. Построить часовню-усыпальницу (покойницкую) с комнатой для вскрытия трупов.

4. Приспособить имеющийся в усадьбе деревянный флигель для временной бани с прачечной.

5. построить небольшой барак для заразных больных.
6. Произвести ремонт и отделку дома, где помещались больные, приспособивши его верхний этаж под квартиры врачей, а нижний этаж этого дома для временной общей кухни для больных.
7. Вместо наемной лошади приобрести две собственные лошади с упряжью и экипажами для лета и зимы для поездок врача в город и привоза провизии в лечебницу из города.
8. Всю свободную в Кувшинове землю впредь в аренду крестьянам не сдавать, а оставить ее для покоса, полевых и огородных работ лечебницы.

Словом, был принят к исполнению целый ряд спешных построек и др. мероприятий, обуславливающих некоторое расширение новой лечебницы и благоустройство ее в отношении самых необходимых и насущных потребностей в самом начале существования и новизны этого дела.

Самое переселение, как я уже говорил, прошло гладко, как с переводом больных, так и со всей перевозкой разнородного имущества отделений.

Помню, как я, живя привычно спокойной жизнью у себя в Дюдиковой Пустыне, в один прекрасный летний день совсем неожиданно получил распоряжение из города немедленно приступить к переводу своих больных и к перевозке всего имущества из отделения в село Кувшиново. Вместе с этим прислали четыре подводы с ломовыми извозчиками. Сразу же поднялась суতোлка с упаковкой и укладкой вещей, мебели, коек с постельными принадлежностями, белья, одежды для больных и проч. Весь инвентарь, сколько поместилось, был уложен на телеге большими возами. Этот подъем с насиженного и привычного места для всех служащих и многих сознательных больных был грустен и печален и создавал своей неожиданностью гнетущее впечатление...

Возы наладили, больных собрали в дорогу, и все двинулись к месту своего назначения. Моя семья пока осталась на месте с кухаркой для охраны инвентаря. Окончательный переезд состоялся через 2-3 дня. Тронулись под вечер по Архангельскому тракту через большое село Прилуки с его древним историческим пятисотлетним монастырем, потом круто свернули влево и пошли проселочной дорогой через деревню Пустогу и усадьбу Чашниково, что была в полуверсте от Кувшинова тоже на берегу реки Вологды. Двигались медленно, вызывая любопытство встречных и прибыли в лечебницу часов в 8 вечера. Из города с другой стороны реки тоже прибывали партии спокойных и беспокойных больных. Было шумно и сутолочно. Разгружались тут же на улице, т.к. вечер стоял ясный и теплый. Больных сортировали и разводили в помещения на скорую руку, стараясь дать им возможность покоя. Нам же, служащим, было не до сна – пришлось до глубокой ночи разбираться с вещами,

оставленными на улице в кучах и водворять их на место, приводя хоть в какой-нибудь порядок, чтобы утром можно было вовремя напоить больных чаем и накормить их. На мою долю достался разбор медикаментов, поступивших из всех отделений и сложенных вместе. Требовалось на первое время создать некоторое подобие общей аптеки, откуда бы все больные получали лекарство и перевязочный материал. Дело это ночью я выполнил успешно и к утру скороспелая аптека была готова и могла работать удовлетворительно. В следующие дни мне пришлось еще несколько раз ездить на прежнее место жительства забирать свои вещи и остатки вещей отделения. То же было и с другими отделениями города, пока, наконец, все водворилось на свои места.

В начале в каменном мужском корпусе больные разместились в четырех новых отделениях:

1. для буйных больных на 20 человек
2. для слабых больных на 15 человек
3. для беспокойных на 30 мест
4. на 35 спокойных больных

Это число мест в отделениях, разумеется, было условно и неустойчиво, в зависимости от подбора больных, подвоза новых поступающих их количество часто менялось между отделениями на 5-10 человек. Наличие служащих тогда была мала и недостаточна. Один заведующий врач, который совмещал в своем лице лечебные, хозяйственные и административные дела лечебницы. Отделением рабочих и спокойных больных вверху корпуса заведывал старший надзиратель Г.Д.Ухтомский. Он же вел все хозяйственные дела лечебницы, являясь как бы смотрителем, наподобие такового в гор. Больнице. Но у нас в лечебнице такой должности не заводили вовсе, отлично справляясь и без нее. Ухтомский не имел медицинского образования, но оказался вполне на своем месте, умело руководил работами, проявляя достаточный опыт и знания во всех хозяйственных делах. Отличался большой энергией, трудолюбием и точным выполнением всех мероприятий врача, будучи в то же время бескорыстным осведомленным заведующим лечебницей, о всех происшествиях текущей жизни в нашем быту. Это был на редкость толстый человек, выше среднего роста – фигура внушительная. Не смотря на свою исключительную полноту, обладал живостью и подвижностью. С товарищами по службе добродушен и гостеприимен, но очень услужливый к людям, стоявшим выше его в общественном положении и особенно к начальству. Нам, окружающим, иногда казалась некрасивое его манера держать себя с подобострастием и низкопоклонством. Но, в общем, это был уживчивый человек веселого характера, любивший побалагурить.

Отделением для буйных и слабых заведовал недавно поступивший к нам ротный фельдшер Михаил Феодосьевич Яновский. Ему же поручили и аптеку.

Он хорошо знал аптечную работу и, будучи очень развитым и трезвым человеком, являлся ценным аптечным работником, но недостаточно твердым в управлении буйным отделением благодаря мягкости своего характера, добродушию и болезненности физического здоровья. На меня было возложено заведование отделением для беспокойных внизу корпуса и медицинский стол конторы, или, вернее, вся медицинская канцелярия заведующего врача со всей перепиской и отчетностью. К этому делу, тогда для меня совершенно новому, я постепенно привык и успешно справлялся с ним в течение 25 лет, вплоть до 1918 года. Но об этом скажу после.

В двух женских отделениях для спокойных и беспокойных больных управляли надзирательницы Д.В.Соколова и медицинский фельдшер Н.Д.Перцев с 3-4-летним стажем по уходу за душевно больными. Но он в ту же осень оставил службу по разстроенному здоровью. Больные женщины до приезда новой фельдшерицы оставались в ведении надзирательницы Соколовой, которая весной 1893 года тоже ушла со службы. К этому времени поступила фельдшерицей акушерка Ал-ра Никифоровна Попова из области войска донского. Вот и весь тогдашний персонал л-цы, не считая младшего, которого было не более 35 человек – слугителей и сиделок при наличии 150 больных.

Кроме этого работали – кухарка, прачка, сторож и кучер при доме врачей и перевозчик.

С этого нам и пришлось начинать строить новую самостоятельную жизнь лечебницы, во многом непохожую на прежнюю жизнь отделений губ. больницы. Много проделано упорного труда, потрачено энергии и много пережито было и надежд и разочарований, пока время и опыт наладили новые формы быта, в которые, в конце концов, вошла обыденная жизнь нашей лечебницы и больных.

Теперь уместно сказать немного о себе лично. С первого же лета своей службы заведующий Яковлев направил меня отвезти д.б. моего отделения Гавриила Гавова на место его родины в Калужскую губернию и поместить в г. Калугу в лечебницу для душевно больных. До этого я решительно нигде не бывал кроме деревни на родине отца и такая поездка по железной дороге, да к тому же далеко, в другие города, разумеется, являлась целым событием в моей жизни. Я и поехал. Было бы слишком долго говорить о тех переживаниях и чувствах, что вызвало это путешествие в моих мыслях и думах. Особенно я восторгался видом Волги и Москвы, где прожил дня три у своего товарища по школе К.П.Малинина. Он только что получил здесь звание помощника провизора и вместе со мной поехал к месту своего назначения в г. Красный Холм Тверской губернии. Кроме него учился тогда в Москве на провизора наш сослуживец из Вологодской аптеки В.А. Леонтьевский. Он потом и служил провизором в Земской аптеке г. Вологды много лет до своей смерти. Поездка моя с больным прошла благоприятно. В школьные годы и в первые служебные

годы и позднее я учился у видных русских психиатров А.Ф.Мальцева, В.А.Копосова, М.П.Глинки, А.А.Яковлева, И.В.Аптекмана, Е.К.Иогансона, П.П.Стребльцова. Прочитал психиатрию профессора П.И.Ковалевского, его судебно-психиатрические анализы и др. сочинения. Внимательно прочитал психиатрию профессора С.С.Корсакова, ознакомился с немецким психиатром Крафт-Эбингом и с французским Мейнертом, набираясь в то же время и практических знаний. Так что в последствии из меня, в оценке врачей, выработался хороший практически и дельный фельдшер-психиатр, с достаточной теоретической подготовкой. После я бывал уже и в Ленинграде – ездил туда в гости к родному моему дяде по матери Луке Михайловичу Баталевскому, старшему заслуженному рабочему Балтийского судостроительного завода. В 1902 году провожал туда в Ленинград острожно душевно больного архиерейского секретаря Ив. Степановича Белянкина в частную лечебницу д-ра Барии на Владимирском острове и сдал его оттуда тоже удачно.

Осенью 1897 года врач Яковлев отправил меня устроить издание его сочинения «Краткий обзор деятельности Вологодского губернского земства по призрению душевно больных в Вологодской губернии». Был я у профессора Ковалевского, но поместить книгу Яковлева в журнале Архив психиатрии и неврологии, который издавал Ковалевский, мне не удалось, и я проехал в Москву, где книга Яковлева была сдана и отпечатана в товариществе И.Н.Кушнерев и компания. В первое время врач Яковлев и я жили вверху неотделанного женского корпуса, и когда приготовили для квартир барский дом, мы переселились в него. Врач в свою постоянную квартиру – шесть комнат с ванной, теплой уборной и отдельной кухней внизу. В другой половине дома, несколько меньшей, налажена квартира для будущего врача ординатора, которого уже было решено пригласить. И эта квартира тоже имела пять комнат, теплую уборную и кухню внизу. В эту квартиру в декабре 1893 года поместили меня, и в ней я прожил всю зиму, пока не была спешно закончена квартира в будущем 5-м отделении, двухкомнатная с прихожей, куда я и водворился с семьей на всю жизнь...

Кроме меня в квартиру ординатора поместили еще двух холостых служащих: десятника по работам в Кувшинове А.П.Есипова и механика для водокачки, только что окончившего Череповецкое техническое училище и поступившего служить к нам Станислава Антоновича Адамовича. Для конторы был нанят первый в Кувшинове письмоводитель Александр Владимирович Колчинский. Ему с матерью и сестрой отвели комнату в женском корпусе. Тот и другой были развитые, достаточно образованные люди и хорошие товарищи. Мы трое жили душа в душу. Но Адамович в следующем году перешел на службу Ярославской железной дороги и в последствии я потерял его из виду. А Колчинский, года через два погиб от туберкулеза. Умер он, бедняга, ночью на

моем дежурстве, в полном сознании. Это была первая смерть в лечебнице из лиц средне-служебного персонала или из администрации, как говорилось тогда про весь медико-хозяйственный персонал. Кухней управляла экономка, жена надзирателя А.А.Ухтомская, но она оказалась малопригодной и вместо нее приехала из Москвы вдова врача М.В.Князева. Но и она не удержалась, выбыла через год. Вот это и был состав всей администрации в первый год существования лечебницы.

Со времени перевода больных в каменный корпус из барского дома, где фельдшером был мой товарищ по школе и закадычный друг Михаил Петрович Воропанов – дом этот заняли квартирами врачей. Воропанов же был взят в военную службу, а впоследствии в 1893 году погиб от туберкулеза. Его смерть лично во мне оставила глубокий след тяжелых чувств и переживаний...

Село Кувшиново расположено на левом высоком берегу реки Вологды к северо-западу от города Вологда в пяти верстах от него. В этом месте река Вологда делает крутой изгиб, образуя как бы петлю, в которую зажат земельный участок, занятый лечебницей и двумя смежными деревнями - Михальцевым и Подберевским. Постройки лечебницы охватываются красивыми светлыми сосновыми рощами – Михальцевской и Кувшиновской, которые крайне близко подходят к берегу реки. Вдобавок к рощам у самого перевоза через реку раскинулся порядочный по размерам старинный сад, окружающий прежний помещичий дом, стоящий на высоком берегу. Этот дом с садом. прежде всего, и бросался в глаза у перевоза с противоположного берега, когда подходишь к Кувшинову. Перевоз содержится земством постоянный – паромом и лодкой. В прежнее время он был бесплатный для всех.

В самом центре большого усадебного участка земли, опоясанного рамами, раскинулся очень большой огород, окруженный со всех сторон глубокой канавой и валом, обсаженным ивами. Дальше примыкал вплотную к рамам, лицом на юг располагаются каменные дома красного кирпичного цвета с железными крышами такого же цвета. А между ними, немного вдавшись, стоит тоже каменное здание кухни с высокой водонапорной башней, на которой поставлен громоотвод. Перед кухней в виде овального земляного холма высится большой земляной погреб-ледник. Дома и кухня с башней, расположенные в одном направлении, с промежутками между собою, создают впечатление длинной улицы, которую привыкли называть «линией». Вся эта улица была хорошо обработана: выровнена, утрямбована щебнем и гравием и устлана песком, т.е. сделана по-настоящему, с широкой возвышенной панелью

для пешеходов во всю ее длину около домов. Здесь, даже после больших дождей не бывало грязно. Зато в остальных проходах и проездах по Кувшинову, после дождей, особенно осенью, лежала большая грязь. Против кухни с другой стороны этой улицы поставлен небольшой деревянный домик цейхгауза. В этом конце главной улицы, который шел по направлению к реке, и был к осени 1892 года построен барак на 40 человек мужчин.

Дальше, на самом берегу реки, стояла небольшая каменная водокачка с высокой железной трубой. В эту же осень были построены: около реки и против женского каменного корпуса небольшой барак для заразных больных мужчин и женщин на случай появления в лечебнице какой-нибудь эпидемии.

Позади мужского каменного корпуса тогда же построили покойницкую с комнатой для вскрытия трупов. Кроме всех перечисленных новых построек от прежней усадьбы осталось в целости флигель, приспособленный временно для прачечной и бани, конюшня с сеновалом и кладовая. Все эти деревянные постройки расположились напротив прежнего барского дома. Общая картина новой лечебницы была весьма приятна и выразительна.

Река с высокими в этом месте берегами, большие сосновые рощи и много другой растительности создавали впечатление хорошей дачной местности, окруженной летом просторами зеленеющих полей и оживленной пением птиц, а весной звонкими соловьиными трелями.

С берега Кувшинова был прекрасный вид на древний город Вологду. Отсюда, особенно вечерами, на закате солнца город виднелся «как на блюдечке» с длинной линией своих церквей, колоколен, с монументальным пятиглавым собором, времен Ивана Грозного и очень высокой готической соборной колокольней, которая высилась над всеми постройками города, сияя своей золоченой главой. Берег реки служил особым местом прогулок для детского и взрослого населения Кувшинова. Словом, это был живописный загородный поселок, привлекавший к себе для прогулок в летнее время очень много гуляющих и любопытствующих горожан и приезжих посетителей.

С ноября 1890 года в доме бывшего владельца усадьбы помещались до полусотни спокойных хроников, переведенных сюда из городских отделений. Для этой цели дом этот был надлежащим образом отремонтирован, и при нем же работала временная столярная мастерская. В ней занимались работами некоторые больные под руководством служителя-столяра. Другие больные были заняты огородным и полевым хозяйством. Обслуживались все больные 3-мя служителями, кухаркой и фельдшером Михаилом Петровичем Воропановым, моим закадычным другом и товарищем по учению в школе.

Со времени водворения всех больных в Кувшиново и эти больные были переданы в новое помещение, а дом, занимаемый ими, стал приспособляться и отделяться под квартиры для врачей: заведующего лечебницей и врача-ординатора, должность которого уже намечалась, как необходимая к тому

времени. Приступая к перестройке старого уклада жизни в условиях новой лечебницы и применяясь к современным научным запросам по уходу и обслуживанию душевно больных, приходилось требовать от всего служебного персонала большой степени напряжения в труде и внимания и значительной энергии, по крайней мере, в самые ближайшие годы, пока наладилось и окрепло новое дело. Следовало избегать излишней поспешности в применении новых мероприятий, путем пробы и опыта убеждаться в их пригодности, и уже после этого проводить эти мероприятия в жизнь. А для этого требовалось время. Но тогда мы, сложа руки, не сидели и работали, как говорится, вовсю, в первые 1-2 года по 12-14 часов в сутки. Выходных дней тогда и в помине не было, да нам, признаюсь, и в голову не приходила мысль о законности требовать такие выходные дни. Они были введены и узаконены гораздо позднее, лет через 10. А в то время, о котором идет речь, если было надо, каждый служащий шел спроситься об отпуске с работы у заведующего врача, который и давал свое разрешение, или отказывал в этом.

Повторяю, энергично шла вперед стройка новой жизни для наших больных. Отодвигались назад многие прошлые понятия, теперь устаревшие и непригодные, и заменились новыми, отвечающими требованиям современных представлений по лечению и уходу за душевно больными.

Прежде всего, и больше всего было обращено внимание на широкое применение труда для больных во всех его формах, возможных в условиях лечебной жизни. Помимо уже открытой раньше столярной мастерской были организованы мастерские: сапожная, портняжная и переплетная и после – слесарная – для больных мужчин и швейная – для женщин, которые, кроме того, занимались плетением кружев, вязанием и другим женским рукоделием. Ко всем этим работам постепенно приучали сознательных больных из спокойных хроников, знающих то или иное ремесло. Такие больные и составляли, так сказать, ядро мастерских. А потом к ним присоединялись и другие больные. И таким образом дело с работами налаживалось довольно удачно. Каждой мастерской руководил приглашенный для этого специальный мастер-инструктор. Он, помимо своего прямого дела выполнял в случае надобности и общие служительские обязанности. Огородное и полевое хозяйство налаживалось своим чередом. Была устроена теплица и заведены парники для разведения цветов и выращивания ранних овощей. Тут работал специальный садовник-огородник. Все, что производилось с помощью работы больных, шло главным образом в хозяйство лечебницы для ее потребностей и для потребностей самих душевно больных, а часть выработанной продукции продавалась служащим и посторонним за недорогую оплату. Денежные суммы, вырученные от этого, употреблялись для тех же работающих больных, в виде выдачи им небольших сумм на личные расходы, или в виде маленьких подарков к праздникам. Это имело значение, как поощрение труда больных, но

отнюдь здесь не преследовалось стремление какой-нибудь наживы за счет труда больных. Мысль об этом тогда не совмещалась с уважением к лечебному учреждению. Труд душевно больных и тогда, 50 лет назад, и теперь, служит могучим средством в деле лечения душевных заболеваний, а иногда, пожалуй, даже основным, главным мероприятием в этом деле. И благотворное действие труда на больных почти всегда было хорошее, но тогда это называлось просто работами больных, а не так замысловато, как это говорят теперь – трудотерапия, трудовые процессы и, может быть, предложат назвать еще как-нибудь. Но суть не в выкрутасах названий. А в том, что работа и остается работой, как ее не назови. А это главное.

Первое время врач Яковлев и я жили вверху неотделанного женского корпуса, а когда дом для врачей был отделан, то в октябре заведующий врач водворился в свою постоянную большую квартиру. Она имела шесть комнат, с ванной, теплой уборной и отдельной кухней внизу. В другой половине дома, но несколько меньшей, была налажена квартира для будущего врача ординатора. И эта квартира тоже имела пять комнат с отдельной кухней внизу. Вот эту квартиру временно и дали мне с семьей. Да в ней же поместили двух молодых служащих: десятника по работам в Кувшинове А.П.Есипова и машиниста для водокачки, только что окончившего среднее техническое училище Станислава Антоновича Адамовича.

Для конторы был нанят Александр Владимирович Колчинский. Он жил с матерью и сестрой. И Адамович, и Колчинский были очень развитые, образованные молодые люди и хорошие товарищи. Я с ними хорошо дружил, и мы жили, душа в душу. Но Адамович в следующем году перешел на службу машинистом Архангельско-Вологодской железной дороги и впоследствии я совсем потерял его из виду. А Колчинский года через два погиб от туберкулеза и увы, умер он бедняга ночью на моем дежурстве, в полном сознании, то была первая смерть в лечебнице из лиц средне-служебного персонала или администрации, как говорили тогда про весь медико-хозяйственный персонал.

Кухней управляла экономка, жена надзирателя Лариса Александровна Ухтомская. Но она, как, оказалось, была малопригодной и на ее место приехала вдова врача Мария Васильевна Князева. Вот и весь тогдашний персонал в первый год существования лечебницы.

Летом 1893 года прибыли на службу к нам новые лица: молодой, только что окончивший врач Николай Арсеньевич Тихонов (первый ординатор в Кувшинове), фельдшерица Мария Дмитриевна Тюменова – вместо фельдшера Н.Д.Перцева и Анна Ивановна Добровольская вместо оставившей службу Д.В.Соколовой.

С весны этого года спешно приступили к внутреннему устройству нового деревянного барака для больных мужчин, который был построен на каменном фундаменте и подведен под крышу осенью 1892 года.

В первую очередь была приготовлена квартира для фельдшера. Она имела две комнаты с прихожей и теплой уборной, но без кухни, а с одной голландской печью и особым крыльцом с улицы и внутренним проходом в будущее отделение, в которое намечалось перевести из каменного корпуса 40 человек больных мужчин. Вот в эту новую квартиру и поселили меня. В нем мне и было суждено прожить всю мою долгую служебную и семейную жизнь. Здесь повзросли, вышли замуж и разлетелись в разные стороны мои три сестры. Здесь в 1916 году умерла моя мать. Здесь я в 1902 году женился, вырастил и воспитал свою семью. В 1935 году понес тяжелую утрату – смерть любимой жены. Эта моя лучшая жизнь со всеми ее ударами, радостями, горем и невзгодами так тесно слилась со всей внутренней и внешней жизнью отделения, что все проявления той и другой слились воедино и были как бы неотделимы друг от друга. И то сказать, - ведь я прожил в 5-м отделении более полвека. И если допустить, что на окружающих нас вещах ложится некоторый отпечаток психического воздействия, то можно сказать, что все 5 м/о насквозь пропитано моим духом.

К осени мое отделение было готово и занято спокойными больными. Сначала мы поместили немного – до 30 человек, так как значительную часть нового барака заняли под открытие мастерских: сапожную, портняжную, переплетную и столярную. Последнюю через год вывели в другое помещение. Все мастерские были отданы под мой надзор.

По лечебнице ввели очередные суточные дежурства, обеспечивающие ответственность за общий порядок всех отделений с ночными обходами мужских и женских помещений. Проверку больных и дежурных младшего служебного персонала и круглосуточный прием всех вновь поступающих больных, а также и выписку их из лечебницы. Но, разумеется, и то и другое находилось под главным руководством заведующего лечебницей врача. Кроме этих очередных дежурств были снова введены по очереди дежурства в кухне. Они проходили с начала выдачи экономкой всех продуктов для приготовления пищи и больным, и служащим, т.е. с 5 часов утра и оканчивались в 12ч. дня, после раздачи пищи по отделениям. Эти же дежурные по кухне в разное время дня должны были являться в кухню для участия в приеме привозимых поставщиками продуктов: хлеба, мяса и молока. Отсюда ясно, что в первые годы жизни лечебницы при крайне малом наличии персонала в три-четыре человека дежурства были и часты и утомительны, просто мелькая одно за другим. К тому же за дежурившего по кухне товарища работал в его отсутствие другой человек, который таким образом в этот день исполнял двойной труд и переутомлялся значительно. Понятно, что такая К таким счастливым я отношу и себя. Действительно мне удалось всю жизнь, более 50 лет прожить среди умалишенных и остаться, как мне думается, без каких-либо резких изменений

со своей нервно-психической стороны. Но это сказано, между прочим, в порядке раздумья о былом...

Жизнь новой лечебницы понемногу налаживалась, упорядочивалась и шла неуклонно вперед. Зима 1892 года, помнится, выдалась особенно холодная, когда нередко морозы стояли по 35-40- градусов. Путем долгого, изо дня в день измерения температуры палат новых каменных корпусов, что было возложено тоже на дежурных среднего персонала, врачу А.А.Яковлеву удалось доказать очередному Губернскому Земскому собранию непригодность возведенных при постройке домов двух печей, которые при топке их давали неравномерное обогревание комнат и коридоров: в одних местах больные мерзли от холода, а в то же время в других томились от излишней жары. Решено было сломать и переделать заново все печи корпусов, что и было проделано в 1893-1894 годах. За лето 1893 года в Кувшинове произведены небольшие хозяйственные постройки: погреб-овощехранилище, изба для перевозчика при перевозе, подвальный этаж дома врачей был приспособлен для квартир младшего персонала, был проведен водопровод в некоторые здания лечебницы, не имевшие пока водоснабжения и т.д.

В 1894 году в женское отделение прибавлена должность второй фельдшерицы и надзирательницы.

Помещения корпусов оказались сырыми и холодными. Водопроводные трубы, проложенные в стенах и в асфальтовом полу корпусов, часто замерзали, и подача воды нарушалась. Трубы приходилось подолгу оттаивать горячими грелками. А для этого надо было поломать полы по ходу труб. Для просушки стен постоянно топили печи.

В этом же году было возбуждено ходатайство о порядке поступления и приема больных в лечебницу по выработанным правилам и по предварительным сведениям о душевно больных.

15 июля 1894 года Чрезвычайное Губернское Земское собрание разрешило построить барак на 30 человек буйных женщин. С зимы этого года Управа стала заготовливать необходимые для постройки материалы, и с весны 1895 года приступили и к самой стройке барака.

У вдовы бывшего губернского гласного А.А.Попова был приобретен участок в 4 десятины земли, смежный с Кувшиновом, что увеличило общую площадь лечебницы. В контору учреждения ввели должность помощника письмоводителя (см. выше).

В 1895 году Чрезвычайное Губернское собрание, состоявшееся 15 июня, разрешило Губернской Управе приступить к постройке в Кувшинове восьми отдельных домиков-изб для размещения в них 25 слабых больных мужчин, аптеки, конторы, пекарни и квартир средне-служебного персонала. К осени этого года уже были выстроены вчерне барак для буйных безпокойных женщин, разрешенный ранее, барак для 25 слабых мужчин, который получили

из соединения в одно целое трех изб, изба под контору с квартирой для письмоводителя и его помощника и изба для помещения пекарни. Три остальные избы были заложены.

Все эти постройки расположились так. Концы главной довольно длинной улицы по линии каменных корпусов и кухни с башней были заняты поперек двумя большими деревянными бараками: от реки мужским отделением, а напротив него, за женским корпусом поместилось третье женское отделение для буйных женщин. Таким образом, получилась большая улица (линия), закрытая с концов. Рядом с 5-м отделением в одну линию с ним под прямым углом к главной улице по направлению дороги к перевозу стояли дом для слабых мужчин – 4 м/о, образуя направление второй улице. Сбоку от каменного мужского корпуса по направлению к реке встали дом для конторы и дом для пекарни. Получилась широкая улица. И, наконец, улица позади 5 м/о образовалась от постройки стоявших в одну линию с промежутками трех одинаковых по плану домов-изб. За этой улицей закрепилось название «Задняя улица».

Таким образом, Кувшиново росло и расширялось очень быстро, приобретая вид привычного уголка, поселка с его новыми деревянными большими бараками и рядом небольших домиков, окруженные зеленью насаженных деревьев и кустов с его большими кирпичными корпусами мужского и женского отделений, которые с таким же кирпичным зданием кухни с высокой водонапорной башней над нею, отчетливо выделявшейся своим красноватым цветом на темной зелени, окружавшей здания большой сосновой рощи. И действительно было обращено большое внимание и потрачено немало труда, чтобы сделать Кувшиново приятнейшим уголком с внешней стороны, чему немало способствовала и возвышенная местность на берегу реки, и хорошее состояние рощи кругом. Из Риги от Вигнера было выписано много разных живых деревьев и кустов, много материала для озеленения Кувшинова любезно дали соседние усадьбы помещиков. Сады и палисадники были распланированы и осенью 1896 года посадка кустов и деревьев была проделана при участии многих служащих. Обсажены линии улиц и промежутки между домов. Всего было посажено более 1000 растений. Я тоже помогал в этом деле, сколько мог. А где требовалась какая-либо неотложная работа, Яковлев привлекал нас всех служащих к общему совместному труду, и мы охотно, целыми часами занимались делом под его личным и умелым руководством. Так, например, была спешно проделана инвентаризация лечебницы и очень скоро устроена ограда вокруг нового сада для прогулок больных мужского корпуса. Летом перед зданием насаждались клумбы цветов. Дорожки садиков и панели дорог подчищались от травы, а дорога главной улицы часто подметалась. Зимой она и другие улицы очищались от снега. Но особенно наблюдали и требовали чистоты внутри отделений, в помещениях

для больных. В коридорах каменных корпусов полы были асфальтовые, очень непрактичные – на них была заметна и пыль, и грязь, особенно при сырости, и от долгого стояния на полу тяжелых предметов, например, диванов, скамеек и т. под. В асфальте получались вдавления, и пол становился неровным. Над этими полами, помню, было потрачено много труда и совершенно впустую. Заведующему врачу все хотелось добиться чистоты асфальтовых полов. Сначала их каждое утро натирали графитом, потом стали смазывать особой мастикой и после протирать тряпками до блеска. Выходило красиво, но на самое короткое время: как только люди станут много ходить по такому лощеному полу, - особенно в сырой обуви, - пол становится размазанным, грязными пятнами и теряет весь хороший вид. Побились над этим, видно, что дело не выходит, благоразумно отступились и стали такие полы чаще промывать простой вожжой. Зато в спальнях, которые днем были заперты, в изоляционных комнатах, в приемных и кабинетах крашенные полы натирали восковой мастикой с последующей протиркой лоскутками до зеркального блеска, до того, что иногда при быстрой ходьбе по такому полу, застланному дорожкой, скользили ноги. Медные приборы у дверей и печек чистились тоже до блеска. Стекла в дверях тщательно протирались. В коридорах по стенкам были развешаны картинки в рамках под стеклом и кое-где ставили в корзинах горшки цветов. Все это вместе взятое создавало для больных и посетителей вид приятности и уюта. А надо сказать, что в самые первые годы своей жизни Кувшиновская лечебница как учреждение и крупное, и новое, многих интересовала своим устройством и бытом и привлекала к себе много разных посетителей. О ней даже стало известно в медицинской и общей печати. Но, разумеется, и мы, служащие, старались поддержать лицо своей лечебницы на должной высоте своего назначения.

К этой же осени весь деревянный поселок был занят службами и жилыми помещениями. В новый барак для слабых больных были переведены больные из каменного мужского корпуса, что дало возможность раздвинуть третье мужское отделение для острых больных, которое с этих пор стало иметь две половины: правую для буйных, и левую – для более спокойных больных, но требующих за собою усиленного надзора. В одной избе поместили контору с квартирами письмоводителя и его помощника, в другой – хлебопекарню с квартирой надзирателя и экономки. Одна изба была занята мастерскими: столярной, сапожной, портняжной и переплетной. В одной избе поместили десять отборных, работающих в мастерских больных, которые пользовались свободой и жили при системе «открытых дверей». Пятая изба была занята квартирой фельдшера и временно аптекой. Последнюю немного позднее устроили в 4-м мужском отделении, выделив здесь сбоку комнату с особым крыльцом.

Из особенностей 1897 года надо отметить следующее: 1) возбужден вопрос о постройке каменного здания бани с прачечной, потребность в которой давно уже назрела благодаря неуклонному росту числа больных и наряду с этим увеличению штата служащих, 2) Возник вопрос о загрузке лечебницы алкоголиками. Они поступают преимущественно из Вологды и, занимая места у душевно больных, создают для лечебницы ряд осложнений как в смысле необоснованных личных капризов и требований, так и в смысле особенностей ухода за ними и лечения. Возбуждено ходатайство о платном лечении алкоголиков, об ограничении приема их в лечебницу и об устройстве для них специально приспособленной больницы. Словом, были ребром поставлены вопросы о призрении и лечении больных алкоголиков в Вологодской губернии, 3) Поднят вопрос об увеличении жалованья врачу ординатору до 1500 рублей в год, экономке до 20 рублей в месяц, а мне как фельдшеру, заведующему отделением и заведующему медицинского стола до 30 рублей в месяц.

Летом 1896 года лечебницу почтил своим посещением Алексей, Епископ Вологодский и Тотемский. Он осмотрел лечебницу, побеседовал с некоторыми больными, узнал, что для удовлетворения своих духовных потребностей верующие прихожане ходят в храмы гор. Вологды или в ближайший Введенский приход, версты за четыре от Кувшинова. Там же хоронят и умерших в лечебнице больных. Он очень внимательно отнесся к положению православных, в этом отношении дал согласие помочь населению Кувшинова построить здесь свой храм. Результатом этого было то, что заведующий лечебницей врач А.А.Яковлев через некоторое время подал епископу Алексею докладную записку, в которой подробно и обстоятельно осветил все неудобства для больных и здоровых людей поселка, возникавшие при неимении здесь на месте своего собственного больничного храма при наличии до 300 больных и до 150 человек служащих с семьями и прочими от лица всего населения лечебницы попросил ...помощи осуществить в ближайшем будущем мечтания о Храме божьем. Епископ Алексей охотно откликнулся на это дело и обратился к губернскому Земскому собранию в 1897 году через Вологодскую Губернскую земскую Управу с предложением – не признает ли Собрание благовременным обсудить вопрос о необходимости построения в центре лечебницы для душевно больных для удовлетворения духовных потребностей больных храма. Губернское собрание согласилось с соображениями епископа по предложению председателя собрания Вологодского Губернского Предводителя дворянства В.А.Касаткина и постановило построить в Кувшинове, в память Священного, Коронованного Их Императорских Величеств Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Осодаровны. Деревянный храм на 400 молящихся, на что ассигновано из запасного капитала 15 тысяч рублей с разрешением Управе принимать частные пожертвования на украшение Храма.

Кроме всего этого врач А.А.Яковлев довел до сведения Губернского Собрания, что он составил исторический очерк призрения душевно больных в Вологодской губернии за время существования Земских учреждений. При этом обращалось внимание на то, что подобные очерки деятельности в области нашей Земской медицины должны представляться весьма желательными с практической стороны, ибо они могут дать в сжатом собранном в одно небольшое издание виде весь материал, относящийся к данному вопросу, что даст возможность пользоваться этим изданием лицам, которые бы этого захотели, особенно в будущем. Были выражены просьба ассигнования на издание очерка небольшую сумму в размере 200 рублей.

Прошло уже более 5 лет существования новой лечебницы. Она была умело и прочно поставлена на широкий путь своего дальнейшего развития. И этим она обязана труду и энергии своих первых руководителей-работников. Это первое. А второе то, что Вологодское Губернское Земство проявляло к Кувшинову, как к новому крупному учреждению свои заботу и внимание, постоянно чутко откликалось на неотложные нужды лечебницы и щедрой рукой, безотказно направляло на новое дело немалые денежные средства. Здесь, пожалуй, можно иносказательно применить к нам когда-то и где-то читанные стихи:

Мы-то, братцы, день-деньской
Кирпичи толкали,
И под нашу рукой
Стены вырастали.
Мы рубили топором
Глядь, и вышла хата.
Поминай-ка нас добром,
Да живи богато...

Действительно, наша лечебница тогда, как никогда после, расцветала. С внешней стороны она выглядела ново и содержалась в большой чистоте и порядке. Внутренний быт ее значительно упорядочился: скученность больных не наблюдалась, скорбун среди больных, как обычное прежде явление, был постепенно изжит и появлялся, как исключение, в единичных случаях. Прежняя неприглядная одежда больных в виде халатов у мужчин и юбок с кофтами из тикового полосатого холста у женщин, заменилась пиджаками и штанами из разнообразного бумажного трико для лета или черного сукна зимой – для мужчин и платьями-капорами из разного цветного ситца для женщин. А питание больных, на которое с самого начала было обращено большое внимание, составляло особое расписание. Для ординарных порций состояло из 2-х блюд, менялось всю неделю, чем устранялось однообразие пищи.

Вот это расписание:

Понедельник – щи и гречневая каша

Вторник – суп картофельный и пшенная каша

Среда – рассольник и жареный картофель в масле

Четверг – борщ и студень с уксусом и горчицей

Пятница – гороховый суп и гречневая каша

Суббота – картофельный суп и пшенная каша

Воскресенье – борщ и студень с уксусом и горчицей.

В зависимости от наличия продуктов иногда вместо картофельного супа варили рисовый или перловый суп, а на второе готовили взамен пшенной или гречневой каши картофельную кашу или жарили картофель с треской. Мяса на порцию полагалось $\frac{3}{4}$ фунта, крупы на каши – пшенной 32 золотника, гречневой – 40 золотников. Масла коровьего на пшенную кашу выдавалось по 4 золотника. Кроме общих порций, которые отпускались для большинства больных, были так называемые экстра-порции, которые выписывались по особому назначению врача некоторым больным, требующим временно изменения пищевого довольствия по состоянию своего физического здоровья для улучшения питания. С этой же целью имелись дополнительные порции, состоявшие из $\frac{1}{2}$ кружки молока или $\frac{1}{2}$ фунта белого хлеба, или и то, и другое вместе под названием смешанной дополнительной порции. В летнее время первые блюда заменялись иногда окрошкой. На масляной неделе вместо второго блюда давали блины с вареньем или жареными свежими сельдями.

На первой и второй неделе великого поста для желающих поститься готовился постный стол приблизительно с таким расписанием:

Понедельник – щи с суццем и гречневая каша

Вторник – грибной суп и пшенная каша

Среда – суп с треской и жареный картофель

Четверг – гороховый суп и винегрет

Пятница – щи со сметками и гречневая каша

Суббота – щи с треской и жареный картофель

Воскресенье – грибной суп и пшенная каша.

На праздник Рождества Христова всем больным кроме обычных порций выдавалось по $\frac{1}{4}$ фунта вареной с чесноком колбасы с $\frac{1}{2}$ фунта белого хлеба к утреннему чаю. На первый день Пасхи выдавалось к утреннему чаю по 2 крашеных яйца и по $\frac{1}{2}$ ф. кулича, а на второй день того же праздника выдавалось по $\frac{1}{4}$ фунта вареной с чесноком колбасы и по $\frac{1}{2}$ ф. белого хлеба. Что касается черного хлеба, то он давался больным за столом без ограничения, и каждый ел его вволю, сколько хотел. И только запрещалось уносить хлеб по карманам. По раскладке же черный хлеб выписывался по 2ф. в сутки на человека. Прислуга имела общий стол одинаковый с больными.

Среднему персоналу порции выдавались сырыми продуктами на руки, сколько полагалось, и каждый готовил себе пищу по своему усмотрению и вкусу, потому что почти весь средний персонал жил семейным образом и ему было предоставлено право забирать на кухне мясо и молоко по ценам поставщиков. Позднее, по нашей просьбе, Управа разрешила нам вместо продуктов получать столовые деньги – по 7 рублей 50 копеек в месяц, согласно тогдашней оценке нашего продовольствия. Но с течением времени цифра эта изменялась в сторону повышения, т.к. цены на жизненные продукты постепенно возрастали. И нам потом уже стали выдавать по 10 рублей в месяц, а много лет спустя – по 20 рублей ежемесячно вплоть до упразднения Земства после революции 1917 года.

Развлечениям больных также обращалось особое внимание. В обычное время больные главным образом играли в шашки, а особенно в карты, которые по тому времени были наиболее доступным и всем известным развлечением для наших больных. Чтение тоже занимало не последнее место. Имелась небольшая общая библиотека, которая понемногу пополнялась путем выписки журналов с приложениями к ним. Для больных и служащих выписывались: «Сын отечества» 1-е и 2-е издания, «Биржевые ведомости», «Вятская газета», «Неделя» с приложениями, «Нива» с приложениями, «Север», «Родина» с приложениями и ежемесячные журналы: «Русское богатство», «Вестник иностранной литературы». Руководил библиотекой я.

Летом иногда больные играли в городки. Устраивалось по временам катание в лодках по реке с пением под гармошку и совместные развлечения больных мужчин и женщин на открытом воздухе, где-то на лугу возле реки с частушками, пением и танцами. Иногда больные женщины снаряжались в лес за грибами. Брали с собой самовар и там чайничали. Один год нанимали даже регента, который обучал больных и светскому, и церковному пению. В зимнее время для больных устраивались совместные вечеринки с танцами под гармошку, для чего приглашался специальный гармонист из города, и с хоровым пением. Хором больных и служащих большей частью руководил тоже я. Нередко устраивалось чтение с волшебным фонарем. Выбор материала для чтения с туманными картинками был смешанный: когда и что успевали достать. Например, Святая Земля Певцова, Кавказский пленник Толстого, История одной матери Андерсена, Мальчик с пальчик Перро, Тарас Бульба Гоголя, Житие святого Николая Чудотворца, Капитанская дочка Пушкина, Песня о купце Калашникове Лермонтова и т. Подобное – в этом роде. Читать также почти всегда просили меня. Чтение мое нравилось больным.

В 1897 году в нашей лечебнице лежал интеллигентный больной, служащий большой Ярославской мануфактуры. Он первый подал мысль об устройстве домашних спектаклей в лечебнице. Доктор Яковлев ухватился за это новое интересное предложение. Дело было за помощниками. Барак,

построенный для буйных женщин, не был еще занят больными и в эту зиму, не был еще занят больными, и в эту зиму, за некоторыми недоконченными работами, пустовал, но отапливался. Здесь во всю длину здания имелся широкий, довольно светлый коридор. Вот этот коридор и послужил нам для оборудования первых спектаклей. В одном конце его сделали возвышенную сцену. Среди тогдашних больных оказался один хорошо знающий декоративное дело, и ему было поручено написать декорации. Он работал их всю предрождественскую ночь, а любители служащие в то время разучивали свои роли и готовились к постановке. А так как это дело было для нас совсем новое и незнакомое, то это, разумеется, всех захватывало и вызывало много волнений и разговоров. В Рождественские праздники был поставлен первый спектакль. Потом были сыграны две одноактные пьесы: «Ищу жениха» и еще какая-то, название забыл. Больным и служащим театр понравился. Тогда за это дело взялись горячо. Заведующий врач А.Яковлев руководил всем лично сам. Он выхлопотал перед Управой в моем пятом отделении разобрать целую капитальную стену, отделяющую столовую больных от смежной комнаты, в которой и оборудовал постоянную разборную сцену, поднятую выше пола с рампой, суфлерской будкой и подъемным тяжелым постоянным занавесом. Зрительный зал (столовая) вмещал в себя до 200 зрителей. Постановка сопровождалась музыкой: от музыкальной фирмы в Петербурге «Юлий Генрих Мишерман» были выписаны заводные музыкальные инструменты: оркестроманопан и пиано-мелодико с целой серией разных пьес и танцев. Музыка играла красиво и громко. Для нашего домашнего театра выбирались пьесы, были простые к исполнению и более доступные к пониманию и интересу для нашей публики с преобладающим числом и значительной частью душевно больных и свободных от работы служащих. И те, и другие охотно стремились на представления. Приезжали гости из города – земские служащие и наши знакомые. Иногда печаталась даже афиша спектаклей. В 1898 году зимой было поставлено пять спектаклей и на них сыграны пьесы: «Золотая рыбка» Салова и Ге, «Предложение» А.Чехова, «Столичный гость» в 3 действиях Разсохина, «Женитьба» в 3 действиях Н.Гоголя, «Ямщик, или как гуляет староста Семен Иванович» - водевиль в 1 д. с пением. В игре принимали участие лица среднего персонала и некоторые лица младших служащих и душевно больные. Игра прошла с успехом. Среди играющих у некоторых оказались способности к актерской игре и в будущем они выступали как заправские актеры в Земских сезонах в городе на сцене губернского драматического театра. Например, супруги Полонские – Николай Семенович и Мария Афанасьевна. На очереди были пьесы Н.Островского.

Каждую зиму принимался в лечебницу развлекать больных приезжавший в город на ярмарку народный театр «Скоморох» или «Петрушка» и другие гастрольные артисты или фокусники.

За все эти годы, годы руководства и заведования лечебницей врача А.А.Яковлева в повседневной жизни больных и служащих установился полный порядок и твердая служебная дисциплина. И то, и другое всегда всеми согласованно и единогласно поддерживалось на должной высоте, пожалуй, в последующие годы при других людях и при иных условиях жизни дисциплина эта значительно ослабла, расслабилась и перестала быть такой крепкой, какой ей следовало бы держаться постоянно. Теперь, быть может, прежние приемы дисциплины показались бы неприятными и смешными, но тогда было в порядке вещей, чтоб, например, при разговоре младшего или среднего персонала, а тем более с врачами, младшие служащие должны были встать, не вмешиваться, не спросясь, в разговоры старших, не ходить на службе в головных уборах и безпрекословно выполнять все установленные правила по несению своей службы – ухода за душевно больными. Никаких поблажек и разгильдяйства в этом отношении не допускалось. За малейшие нарушения служебных правил следовало сразу возмездие: или строгое внушение, или отказ от службы. И люди держались, как говорится, начеку, зная, что к ним отнесутся всегда справедливо и что в случае надобности они найдут себе поддержку, защиту своих интересов со стороны главного врача.

Со стороны чисто медицинской части лечебница для того времени тоже была обставлена всем необходимым для проведения разных лечебных мероприятий в деле лечения больных. Водолечение в виде ванн и душей применялось безперебойно. Также достаточно широко было использовано и лечение электричеством. Имелись: электрический стол с постоянным током от 30 элементов Мейдингера, реостатом Спримона в 15 тысяч омов, коммутатором системы Ремика, абсолютным гальванометром Эдельмана, фарадическим сонным аппаратом с приспособлением Левандовского и с особой системой соединительных штифтов, дающих возможность выключать гальванометр из общей цепи тока, проводить все токи через единственную пару зажимов, включать реостат как в прямую, так и в боковую цепь замыкания.

Имелась еще электрическая машина Теплер-Гольца со всеми дополнительными к ней приспособлениями.

Кроме того, лечебница была снабжена всеми необходимыми аппаратами: для исследования всех видов кожной чувствительности, для исследования полостей носа, гортани, уха и глаза, для искусственного кормления больных, инструменты для производства многих малых операций, набор зубных инструментов, полный прибор для аутопсии, аппарат для микроскопии и фотографии со всеми принадлежностями, аппарат доктора Могутковского и много других мелких инструментов разнообразного назначения. Словом, оборудование лечебницы в этом отношении было поставлено на надлежащую высоту, конечно, применительно к научным познаниям того времени. При лечебнице существовал постоянный амбулаторный прием больных для

оказания медпомощи окрестным жителям, особенно из ближайших деревень. Таких приемов делалось до тысячи и более в год. Приезжие больные из соседних деревень снабжались лекарствами из нашей аптеки бесплатно, а прочим давались рецепты.

Количество больных медленно, но неуклонно возрастало и к 1899 году оно перешло уже за 300 человек (204 м. и 98 ж.). Процент выздоровления за прошедшие годы колебался, но в среднем выражении 9-10% по отношению к общему числу пользованных. То же самое можно сказать и о смертности в лечебнице, которая в среднем была от 8 до 10% также по отношению ко всем пользованным больным. Процент выздоровления, несомненно, был бы значительно выше, если бы некоторые формы заболеваний (например, алкогольные формы и периодические болезни) стояли бы в рубриках «выздоровели», а не в рубрике «выбыли с улучшением», как это показывалось в отчетах и было более правдивой действительностью.

В ноябре 1899 года наша лечебница пережила эпидемию сыпного тифа и борьбу с нею, которая была окончательно прекращена в конце ноября того же года.

За все вышеперечисленные годы наряду с ростом Кувшиновской лечебницы и увеличением количества душевно больных прибавлялся и наличный персонал врачебного и административного состава служащих. Начну с врачебного персонала. Как уже говорилось, в 1893 году в помощь заведующему врачу А.А.Яковлеву был прибавлен врач ординатор. На этой должности сначала был молодой, только что получивший звание врача Н.Л.Тихонов. Он недолго служил у нас – не смог приспособиться к нашим служебным условиям и пробыл в Кувшинове, насколько мне помнится, менее 1 года. После него служил ординатором тоже молодой врач-психиатр Евгений Карлович Иогансон. Это был психиатр с хорошей научной подготовкой, очень серьезно и со вниманием ведущий свое дело, которое, видимо, было ему по душе. Он пробыл у нас в должности врача ординатора с 1894 года. В 1897 году он уехал от нас на другое место вскоре после своей женитьбы на дочери помещика соседней с лечебницей усадьбы Чашниково Вере Кирилловне Березкиной. Спустя много лет судьба снова привела Иогансона на службу в Кувшиново, но об этом скажу потом, в своем месте. После ухода врача Е.К.Иогансона у нас с ординаторами некоторое время положение как-то не налаживалось. Один врач Я.М.Флеров, имевший за собою несколько лет службы земским врачом, оказался непригодным для психиатрии и ушел из Кувшинова по своему желанию. Другой врач тоже, с многолетним врачебным опытом, некто Н.И.Звонников, также недолго прослужил у нас и видимо тоже не мог освоиться с особенностями психиатрической службы в нашей лечебнице. К тому же он с самого начала не сошелся с заведующим лечебницей А.А.Яковлевым, отношения с которым были натянутые и, постепенно

обостряясь, после одного какого-то столкновения между ними, Яковлев своей властью отрешил Звонникова от ординаторских обязанностей, и последнему пришлось после этого уйти из Кувшинова. Ему дали место где-то в уезде. Вся эта история прошла, так сказать, келейно и большой огласки не получила, ибо врач Яковлев пользовался большим авторитетом и в Земстве, и у губернских властей.

В 1898 году у нас в лечебнице уже работали другие ординаторы: молодой земский врач Павел Петрович Шафранов, впоследствии много лет спустя, было слышно, что из него вышел настоящий врач психиатр, который будто бы окончил свою жизнь директором Курской психиатрической лечебницы. Врач Шафранов сразу умело и хорошо повел свою врачебную ординатуру и дружно жил с Яковлевым все время своей службы в Кувшинове. Он оставил свое место в Кувшинове почти одновременно с А.А.Яковлевым в конце 1899 года, перейдя снова на службу земским врачом в Кадниковское уездное Земство. А добровольный, быть может, все же несколько преждевременный, уход со службы из Кувшинова врача А.А.Яковлева был вызван главным образом назревшими семейными требованиями по воспитанию детей, о чем он заявляет в своем годовом отчете по лечебнице за 1898 год, упомянув здесь, что в этом же своем последнем отчете Яковлев возбудил перед Губернским Земским собранием ходатайство награждении меня и надзирателя Ухтомского большими серебряными медалями за нашу длительную службу и за то, что мы оба принимали непосредственное участие в организации Кувшиновской лечебницы, оба переживали тяжелые времена ее устройства, и оба отличались, безусловно, безпорочной служебной деятельностью за все время своей службы в Кувшинове. Эта оценка нашей работы была, конечно, нам приятна, тем более что она исходила от лица, отзывы которого мы всегда высоко ценили и уважали. Но вопрос о медалях с отъездом Яковлева как-то затушеввался в земстве, и медалей мы не получили, да особенно и не добивались получить их, так как с уходом Яковлева отношение Земской Управы к лечебнице несколько изменилось в смысле некоторых перемен в составе служащих. Отчет по лечебнице за 1889 год был последним отчетом врача А.А.Яковлева. В январе он уехал из Кувшинова навсегда. Семья его уехала немного раньше, были раньше отправлены и вещи, но значительную часть его квартирной обстановки у него купил новый заведующий лечебницей бывший старший ординатор врач А.П.Петров. По его поручению я составил адрес Яковлеву от среднего персонала и служащих. Жалею, что не сохранил этого адреса, но помню, что написал его в теплых прочувствованных выражениях, где перечислил все труды Яковлева по организации Кувшиновской лечебницы. Все его хорошие и полезные начинания для улучшения жизни душевно больных и служащих и где выражалась благодарность за его хорошее руководство и сожаление об уходе его из Кувшинова и сердечные пожелания

ему всякой удачи на новых путях жизни. Вечером перед отъездом Яковлева на вокзал мы пригласили его в приемную, где собрали весь средний персонал во главе с доктором Петровым. Здесь Яковлеву был прочитан мною и вручен адрес, заполненный нашими подписями. Он ответил короткой благодарной речью, перецеловался со всеми нами и уехал. Руководство Кувшиновской лечебницы в течение 8-ми с лишним лет оставило здесь надолго заметный след и после часто вспоминалось в разных случаях жизни. Я еще раз напомним то положение, в котором когда-то была наша лечебница и из которого она была постепенно выведена. Воспользуюсь готовым материалом – выпиской из отчета А.А.Яковлева за 1889 год, где, между прочим, говорится следующее: «Я позволю себе напомнить Собранию, что 8 лет тому назад все наши душевно больные размещались в 4-х отдельных друг от друга пунктах: в красном доме (ныне дом фельдшерской школы), в доме Лебединова, в полуверсте от Красного дома, в Дюдиковой Пустыне и, наконец, в деревянном доме Кувшинова, впоследствии приспособленного под квартиру врачей. Лечебницы, в собственном смысле этого слова, наши душевно больные не имели. Они ютились в непригодных грубых помещениях без достаточного количества воздуха, света, свободы, труда. В отделениях не переводилась цинга и в отдельные годы смертность достигала до 24%, как это, например, было в 1886 году. При вступлении моем в должность заведующего отделением в 1891 году я застал в отделениях 120 распущенных, деморализованных психопатов, среди которых было 24 тяжело психически больных. На все эти 4 отдельных друг от друга пункта сосредоточия больных был один врач и, следовательно, фельдшера, заведующие отделениями, принуждены были вести дело надзора и ухода за толпами распущенных и озлобленных психопатов вполне самостоятельно, под безпрерывным страхом тяжелой ответственности. В это тяжелое время жилось плохо всем: и врачам, и фельдшерам, и надзирателям, и самим больным. Со второй половины 1892 года все больные были спешно сосредоточены в зданиях Кувшинова, так как близость холеры заставила Управу некоторые из отделений для душевно больных приспособить под отделения для холерных. Больные были помещены в двух каменных павильонах Кувшинова, внутреннее устройство которых было далеко еще не закончено: печи оказались негодными, окна незакрывающимися, изоляторы для буйных больных совершенно непригодными, лечебница не имела никакой мебели, не было двориков для выведения больных на воздух, ни садов, ни даже квартир для служащих, которые ютились кое-где, вечно переселяясь с одного места на другое. Зима 1892/3 года прошла для лечебницы при крайне тяжелых условиях: в отделениях царили холод и сырость. По коридорам было разставлено до 15 железных печей, около которых толклись больные, нередко садившиеся на самую печь и грозившие постоянно администрации лечебницы возможностью ожогов и вообще

возможностью возникновения несчастных случаев. Водопровод в стенах зданий нередко промерзал, в силу чего нередко в асфальте пола или в штукатурке стен были пробиваемы дорожки, куда накладывались горячие угли, раздуваемые каминными мехами для оттаивания замерзшей воды. Это в свою очередь грозило возможностью несчастных случаев и требовало со стороны дежурных по отделению фельдшеров и надзирателей очень сильного напряжения энергии, внимания и вызывало постоянные тревогу и беспокойства. Но наряду со всем этим фельдшерам и надзирателям приходилось еще считаться и с новыми порядками, заводимыми в лечебнице. Весь старый строй, царивший в отделениях, с переходом в Кувшиново заменился новым. Фельдшера должны были приспособиться к новшествам, следить за соблюдением все новых и новых правил и инструкций, проводить их в жизнь лечебницы и служить, таким образом, инициаторами новых порядков. Частые дежурства по лечебнице в силу ограниченности средне – служебного персонала, бессонные ночи, ночевки в холодной приемной лечебницы во время дежурства по отделению, дежурства в холодной и сырой кухне, постоянные беспокойства за возможность какого-либо беспорядка и даже несчастия в неприиспособленных зданиях, беспокойство за больных, среди которых стали организовываться различные занятия и работы – все это крайне тяжело отзывалось на средне-службе персонале лечебницы.

Прошло несколько лет. Кувшиново превратилось в одну из благоустроенных лечебниц. Больные дисциплинировались. Врачебный и средне-служебный персонал увеличился. Больничная жизнь вошла в свою нормальную колею. Всем стало жить и работать легче. Исчезли страхи за возможность несчастий в отделениях, беспокойства за беспорядки со стороны распущенных больных, не требуется уже ни от кого из служащих физического напряжения энергии...

Словом, за эти годы все стороны жизни в нашей лечебнице были налажены как следует, и оставалось только совершенствовать их в будущем. Путь для этого был открыт. Время заведывания лечебницей А.А.Яковлевым составило как бы первый этап в жизни Кувшинова и в новой жизни душевно больных нашей губернии. Его можно назвать организационным и строительным этапом.

Перехожу к следующему периоду. К 1 января 1909 года наличный персонал врачебно-административного состава был таков: заведующий лечебницей врач А.П.Петров, помощник заведующего врач Н.П.Ершев, фельдшера: К.Ф.Уханов, И.А.Колмаков, К.А.Дубровин, И.Н.Суслов, надзиратели: Г.П.Ухтомский, С.М.Михайлов, фельдшерицы А.Н.Попова, А.М.Кочнева, надзирательница М.С.Кузьмина, экономка П.Н.Михайлова, кастелянша К.А.Яновская, машинист И.М.Шестаков, письмоводитель М.С.Драничников, помощник письмоводителя Ф.А.Протопопов. Значит, за

прошедшие 8 лет существования лечебницы врачебно-административный штат служащих сильно возрос, почти утроился.

В начале 1900 года опять возникла эпидемия сыпного тифа, которая, однако, проходила вполне благополучно и в конце марта закончилась совсем.

Штат прислуги-служителей и сиделок к этому времени достигал уже значительной цифры – больше 80 человек, не считая, в том числе хозяйственных и дворовых рабочих. Число больных было 303 человека.

Остановлюсь немного на положении служащих лечебницы вообще и, особенно на положении младшего персонала и служителей и сиделок. И те, и другие поступали на службу в лечебницу, главным образом из крестьян ближайших к лечебнице деревень и частично из города. Значительная часть из них были неграмотные люди или очень малограмотные, совершенно не знакомые с уходом за больными и чаще даже такие, которые не имели никакого понятия о душевно больных, кроме одного, что это «сумасшедшие». Это слово вызывало у них загадочность, любопытство и опаску, а порой боязнь и страхи. И таким путем долгого общения с больными выработывался известный навык, привычка и умение к уходу за душевно больными. Но это приобреталось не сразу и не всеми. Некоторые органически были неспособны переносить общение с умалишенными и уходили со службы, а иногда приходилось удалять их за грубое обращение с больными. В общем, положение прислуги было неважное. Семейных квартир в лечебнице было очень мало, и значительная часть служащих принуждена была жить в разлучении со своими семьями. В каждом отделении имелись служительские комнаты-общежития, в которых прислуга и проводила ночи, отдыхали после целого дня пребывания среди шума, гама и суеты душевно больных. Ночью тоже нередко настоящего спокойного отдыха не получалось, потому что шум и крики больных иногда возникали среди ночи и нарушали сон здоровых людей. Так что служба эта была не столько тяжелая физически, сколько утомительная и однообразно-напряженная, временами сопряженная с рядом бессонных ночей. Определенных выходных дней не было установлено, и отлучки служащих из пределов лечебницы были редкие и зависели от разрешения врача или заведующих отделениями лиц среднего персонала. Самый труд оплачивался очень невысоко: служители поступали первоначально на 6 рублей в месяц, а сиделки на 4 рубля. По мере прохождения ими службы, приобретения навыков по уходу за больными, умелого обращения с ними и проявления ими старательности и дисциплины – назначались небольшие прибавки к основному жалованью по 50 коп. – по 1 рублю в месяц. Делалось это постепенно, так что по истечении года служитель мог получать 10 рублей и сиделка 8 рублей в месяц. Это была предельная плата. Стол для прислуги полагался готовый, та же общая ординарная порция, что и для больных, т.е. два блюда применительно к недельному расписанию. Хлеба давалось

неограниченно, досыта. Кроме того, служителю давалась блуза с ремнем – зимой, а летом верхняя рубашка. Сиделки имели по платью из одноцветной бумажной материи, белый полотняный чепчик, потом замененный полотняной косынкой. В поисках работы иногда приходили люди, которые в ожидании свободной служебной вакансии принимались кандидатами и работали без жалованья, только из-за питания, дожидаясь зачисления в штат бывало, неделю. Бывало – подолгу, по несколько месяцев. При выполнении каких-либо особых служебных поручений, например, сопровождения больных на работы, или зачем-нибудь в город – к родным, на вокзал, при выписке и т. под.-служащим позволяли пользоваться кое-какой больничной одеждой. А койки с соломенным матрацем, подушкой, с постельным бельем и одеялом полагались каждому. Но отсутствие заманчивых сторон жизни, например, длительного отдыха в виде узаконенных ежегодных отпусков, неимение пенсионной или судо-сберегательной кассы для младших служащих, отсюда полная необеспеченность в будущем, отсутствие начальной школы для детей, неимение никаких, кроме библиотеки, культурных установок и развлечений - все это относится к числу отрицательных и грустных явлений нашей Кувшиновской жизни и служит одной из самых главных причин неустойчивости служебного персонала лечебницы. В 1900 году уволившейся прислуги было 130%. В отношении врачебного и среднего персонала это положение несколько устойчивее, но все же оно есть и вызывается теми же однородными причинами, о которых сказано выше.

Следует сказать, что врачебный и средний персонал поставлены не только в иные, лучшие условия и в смысле оплаты труда, и в квартирном отношении. Для них имелась судо-сберегательная касса при Губернской Земской Управе. Некоторые служащие путем привычки, а может быть благодаря особенным свойствам своего характера и крепкой от природы нервной системы приспособляются к однообразию жизни среди душевно больных людей и живут здесь по много лет, иногда до конца своей жизни. Но такие люди исключение из общего правила, и обывательская среда смотрит на таких лиц с нескрываемым удивлением, как на что-то особенное.

Напряженная работа изо дня в день сопровождалась сплошь и рядом с недосыпанием ночами требовала от служащих неустанной энергии, траты сил и здоровья и порядочно трепала у них всю нервную систему. Следует оговориться, что работа среди душевно больных признается и обществом и ученым людом работой нелегкой, быстро изнашивающей здоровье человека, и приравнивается к разряду вредных производств, что находит некоторое подтверждение в Законодательстве нашей страны.

И не все люди могут выдержать долгий срок службы среди психически ненормальных людей. Значительная часть работников у душевно больных при первой же возможности уходят от этой жизни «сумасшедшего дома» и берутся за другой, хотя и более тяжелый физический труд, иногда даже менее выгодный со стороны оплаты, но зато создающий сравнительно хорошее душевное равновесие и покой. Только некоторые люди с особенно хорошей нервной организацией и прочным физическим здоровьем и особенностями некоторых природных свойств своего характера и воли могли без видимого ущерба для себя погрузиться в эту особенную среду и долго прожить в ней.

*Константин Филиппович Уханов
Фельдшер больницы, проработавший в ней с первых дней более 50 лет.*